

Охота

и охотничье хозяйство

10

2014

2014
№10

Как и чему учат охотоведов в РГАЗУ

М. ПЕРОВСКИЙ, профессор

Недавно в руки мне попал учебный план подготовки квалификации (степени) бакалавр по направлению 020 400 «Биология». Сроки обучения 3 и 5 лет. План предусматривает три профиля обучения: биоэкология, охотоведение и кинология. На слове «биоэкология» мой компьютер сразу возмутился, видя в этом вопиющую нелепицу и потребовал заменить это слово. Экология — всего лишь часть науки биологии и нельзя писать масло масляное. Или как Вам нравится биофизиология, биогенетика? Количество учебных дисциплин при сроке обучения три года — 83, а при пятилетнем сроке — 86. Глянув на эти цифры, я вспомнил своё студенческое прошлое. Достал два диплома о высшем образовании, полученных при очной и заочной формах обучения. В них лежали выписки из зачётной ведомости. В первой выписке (МВА — очное образование) насчитал 43 дисциплины, которые я изучал пять лет. Во второй — (ВСХИЗО, ныне РГАЗУ — заочное образование) 46 дисциплин. Их полагалось изучать шесть лет. Не обладая большими математическими способностями, можно сразу установить, что учебных дисциплин в современном РГАЗУ ввели вдвое больше. При этом в первом случае сократили вдвое срок обучения. Вместо 6 лет — 3 года. Чем руководствовались в данном случае составители упомянутого учебного плана мне неизвестно.

Какая же дисциплина является самой главной при подготовке в РГАЗУ биологов: оказывается физика. Почти 300 часов, а если быть точным — 288 следует изучать всем биологам, включая, экологов, охотоведов и кинологов. Ни одной другой дисциплине не отдаётся такого предпочтения. Я против физики ничего не имею, уважаю. Важная и нужная дисциплина, без неё, как говорится, шагу не ступишь. Да, если бы здесь готовили космонавтов. Но выпускникам «биоэкологам» до них очень далеко. Никакой другой дисциплине в учебном плане не отдаётся такого предпочтения. Хотя, прошу меня извинить. Когда еще раз я прочитал рабочие учебные планы, к ужасу своему увидел, что самое большое время у заочников должна занимать физкультура: всего 400 учебных часов. Просто Китай какой-то при Мао. Сразу возникает вопрос: как можно у заочника проконтролировать занятия физкультурой? Видимо, студенты на первом курсе сдают зачет на значок БГТО, а на втором — ГТО. Нормы не выполнил — отчислят из университета.

Согласно учебному плану заниматься физкультурой положено только два первых курса, а затем эта дисциплина больше не преподаётся. Студентов зарядили на всю оставшуюся жизнь.

Первой по списку дисциплин значится «История». История чего: науки, древнего мира или КПСС? Или что на ум придет лектору? Две пары лекций неизвестно о чем и практические занятия три пары (шесть часов). Вот и вся история. Для чего и кому нужна эта общеобразовательная дисциплина, которая изучается в средней школе, совершенно непонятно. В перечне дисциплин также находим, что бакалавры на первом курсе будут изучать географию, но не сказано какую: экономическую или физическую. География достаточно полно преподаётся в средней школе. Надеюсь, что, окончив школу, ученик запомнил, что Волга впадает в Каспийское море.

Я думал, студенты Российской Федерации, наконец, освободились от изучения марксизма, истории КПСС и прочей политической дребедени. Ан, нет. Вот Вам социология и политология, да еще культурология с религиозоведением. С последней дисциплиной вообще чудеса. Я, к примеру, атеист и не хочу слушать и знать какому богу (Будде, Христу, Аллаху или Яхве) молиться окружающие. Это их сугубо личное дело. А забивать голову перечнем апостолов и что они натворили, не желаю. К экологии и охотоведению это никакого отношения не имеет. Уж к кинологии тем более. Мне могут возразить, что это повышает эрудицию университетского выпускника. А что университет готовит не специалистов, а всезнаек для игр «Что, где, когда?» Кстати, РГАЗУ — сельскохозяйственный ВУЗ и не агитаторов для партий типа Единая Россия или ЛДПР готовит, а агрономов и зооинженеров, сельскохозяйственников и экономистов для сельского хозяйства. И что читать нашим студентам, часто многих национальностей и разных религиозных конфессий, а возможно, и сект? Заменить учение Ч. Дарвина на Новый или Ветхий Завет?

Коснемся языковой проблемы. Конечно, изучение хотя бы одного иностранного языка в Высшей школе необходимо. Но в том виде и в том количестве аудиторных учебных часов, как это преподнесено в учебном плане, всё это выглядит профанацией. Итак, составитель упомянутого учебного плана полагает, что вполне достаточно 10 аудиторных часов для изучения соб-

ственно иностранного языка и 10 часов для профильного иностранного языка, а остальные 240 часов перекадывается на самостоятельную работу. Могу поделиться опытом, как изучали иностранный язык на курсах в 1 Инязе им. Мориса Тореза для специалистов, направляемых в зарубежные страны. Учили два года по 16 часов в неделю, практически без отрыва от основной работы. Группы на каждого преподавателя не более 7 — 8 человек, а лучше — 5 — 6. Домашние задания выдавались обязательно и проверялись у каждого курсанта. Преподаватели разговаривали с учащимися, вставляя при этом как можно больше фраз на английском языке. Экзамены сдавались только на иностранном языке, чтение газет и специальной литературы охотоведческой направленности только на английском языке и так далее. Более 1000 часов аудиторных занятий было потрачено на то, чтобы мы могли более или менее разговаривать (спикать на нашем курсантском сленге) на английском языке. По себе чувствовал, что еще полгода практики в англоязычной стране, и закрепил бы его знание на всю жизнь. Но не случилось. То, что предлагает данный учебный план, это пустая трата времени. Тем более, что сюда присовокупили еще латинский язык (на 2-м курсе). Разве готовят здесь провизоров для аптек или врачей с ветеринарами? В общеобразовательной школе какой-никакой иностранный язык изучают и ребята знают буквы латинского алфавита, которым пользуются в Америках и западной Европе. Охотovedы и кинологи не ветеринары и смогут прочитать названия животных и растений при изучении биологии растений и животных. Транскрипция написания и чтение латинских названий довольно проста. Я не замечал у своих студентов затруднений при чтении латинских названий зверей и птиц. Внесение в список дисциплин латинского языка — ещё одна пустая трата времени.

В данном учебном плане надерганы дисциплины из агрономии и зоотехнии, биологии человека и животных, а заодно и медицины. Как Вам нравится дисциплина: физиология человека и животных, высшей нервной деятельности. «Смешались в кучу кони, люди»... так говорят, всё в одном фла-

коне. Далее читаем: биология человека. Не шутка познать биологию человека за 72 часа, из которых аудиторных лекций две пары (4 часа) и практических занятий четыре пары (8 часов), и человек готов с его биологией. Оставьте все вопросы по биологии человека врачам. «Биозкологов» из РГАЗУ никогда в поликлинику или, не дай Бог, в больницу, на работу не возьмут. На должность медсестры с дипломом этого университета переучиваться заставляют и на работу сразу не берут, и правильно делают. Наряду со сложными дисциплинами в плане можно встретить чисто зоотехнические «водства»: кролиководство, пчеловодство, звероводство, которые можно было без всякого ущерба исключить из безразмерного перегруженного учебного плана.

В списке общеобразовательных предметов нахожу дисциплину — учет животных. Тут же возникает вопрос — каких животных: диких, домашних, позвоночных, беспозвоночных, и так далее. Учет диких животных, например, сложнейшая дисциплина. Учёные составили сотни методик учета различных животных, приспособляя их к биологии вида. Для охотovedов это вообще отдельная самостоятельная дисциплина. Но наши простаки из РГАЗУ взяли и, особо не задумываясь, написали: учёт животных, коротко и ясно. И на всю эту дисциплину отвели 8 аудиторных часов, из которых две лекции и два практических занятия у студентов с пятилетним сроком обучения, и одна лекция и два практических занятия у трехгодичников. В то же время показатель численности вида является важнейшим элементом его экологии, хозяйственной и природоохранной деятельности человека. А в плане обучения учету охотничьих животных уделяется времени меньше, чем культурологии и религиоведению.

В обширном списке дисциплин в рабочем учебном плане на степень «бакалавр» с 3-х и 5-и годичными сроками обучения при практическом равенстве заслушиваемых предметов не нашлось места для такого предмета, как этология животных, а также охотустройство для охотovedов. В советские времена работало одновременно в РСФСР не менее пяти охотустроительных экспедиций, в которых трудилось почти 300 охотovedов. Помимо охотничьих хозяйств, они устраивали

заказники и заповедники и выдавали продукцию в виде паспортов или проектов внутрихозяйственных и межхозяйственных устройств конкретных территорий с соответствующими картами, экономическими обоснованиями и расчетами, а также планами развития. Охотустроители проводили первичный учет зверей и птиц, определяли их численность различными методами. Потребность охотovedов, компетентных в охотустроительстве, и ныне достаточно высока и будет еще выше, если коренным образом переделают квалифицированные специалисты охотovedы нынешний совершенно неприемлемый закон об охоте и охотничьем хозяйстве в РФ.

И что это за экотоксикология. Перелистал пяток словарей, справочников и энциклопедий, совсем ещё не старых, и определения не нашёл. Понимаю, что что-то с ядами связано, но что это за экологические, а может экономические (?) яды, понять не могу.

Составитель плана проф. Еськов Е. К. явно не понимает сущности расписываемых им дисциплин. Например, на 4-м (3) курсах бакалавриата вводится дисциплина: «Биотехния и дичеразведение». Хорошо. Типично охотovedческая дисциплина. Но вот в перечне дисциплин охотovedческого профиля читаем: «Методы воспроизводства промысловых животных», что практически одно и то же. Промысловые — это те же охотничьи животные: бобры и лоси, белки и косули, ондатры и дикие северные олени и так далее. А разница лишь в том, что в одном случае на этих зверей ведется любительская охота ради отдыха и развлечения и полученная продукция используется лично охотником для своих целей, а в другом случае охотниками являются люди, занимающиеся промысловой охотой, промыслом. Они поставляют товарную продукцию в массовом количестве на рынок, что и является источником их существования полностью или частично. Очень часто характер промысла и любительской охоты зависит от обилия, количества дичи. Много, например, ондатры в угодьях. Есть возможность добыть от 100 до 1000 зверьков. Это уже промысел, промысловая охота. А если охотник поймал 5—6 ондатр и сшил себе шапку и носит её на здоровье. Что же, отнести всё это к промысловой охоте? Опыты проф. С.С. Фолитарика на

западносибирских озерах по борьбе со сплавами — сплошь заросшие ковровые тростниковые покрытия с помощью камышекосилок и даже бомбометания дали интересные результаты. Это делалось с целью разрыва ковровых тростниковых зарослей и образования плёсов с чистой водой. Указанные действия немедленно повышали продуктивность угодий за счет активного заселения ондатрой и водоплавающей птицей. Тем самым создавали хорошо известный «эффект опушки» в тростниковых зарослях, а не в лесу. Охотники-любители на таких озерах стреляли уток, а промысловики ловили ондатру. Я спрашиваю, как разделить эти плёсы между промысловыми и любительскими методами воспроизводства дичи? Делить здесь ничего не надо. Это чистая биотехния. Надуманность и некомпетентность в вопросах охотovedения привела к чрезмерному перечню дисциплин охотovedческой и кинологической направленности.

Незнание, невежество проявляется на каждом шагу в этом «чудном» учебном плане. Вот профиль «кинология» на последних курсах (третьем и пятом) введена дисциплина «Биология и систематика зверей». А где же птицы? — спросите Вы. Но составители этого учебного плана решили, что знать птиц кинологи не должны. В то же время более половины охотничьих собак — это легавые, которые работают в основном только по птице. Это с этими собаками охотятся на красную дичь: бекасов, дупелей, вальдшнепов, гаршнепов, тетеревов, перепелов, куропаток серых и белых, фазанов, а также уток. Но есть еще собаки универсалы, типа наших знаменитых лаек, и многие из которых работают по глухарю и уткам и, кстати, получают дипломы.

Можно и дальше распинать этот учебный план РГАЗУ по подготовке бакалавров с различными сроками обучения. Количество дисциплин безумно велико и приходится только пожалеть бедных студентов, ставших жертвами профессорского произвола.

Скоро студенты факультета Биозкология (странное, всё-таки, название) РГАЗУ будут говорить: «Мы все учились понемногу, чему-нибудь, как-нибудь». Вместо квалифицированных и знающих специалистов университет будет выпускать явный брак.

Фотоконкурс

Редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство» проводит фотоконкурс

под девизом «Охота и природа»

Подробная информация о фотоконкурсе — в № 1 за 2014 г.

Дорогие друзья! Спешите!

1 декабря заканчивается годовая и полугодовая подписка на наш журнал.

Наши индексы: 70673 - на полгода и 72376 - на год по каталогу Агентства «Роспечать»

Ижевское оружие ИЖ-БК

А. БЛЮМ

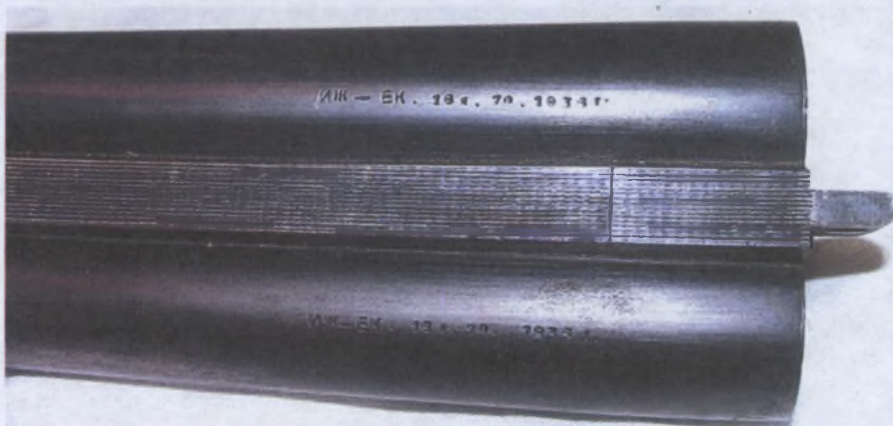
Довоенное производство охотничьего оружия в Ижевске не могло похвастаться широкой номенклатурой. Основной упор делался на производство передельных ружей, модели которых зависели от наличия тех или иных винтовок старых армейских запасов. Работа над собственными моделями началась с преобразованием в 1934 г. заводской мастерской в цех № 32 оружейного завода, который сосредоточился на производстве двух основных — ИЖ-5 и двустольного ружья ИЖ-БК. Несколько позже пошло в производство пневматическое (духовое) ружьё ПСР. Причём ИЖ-5 собственной конструкцией ижевлян назвать нельзя, т.к. это была хотя и модернизированная, но всё же американская модель Ивер-Джонсон. А вот на ружье ИЖ-БК необходимо остановиться подробнее. Впервые, его, наверное, можно считать первой собственной разработкой ижевских оружейников, во-вторых, хотя оно и выпускалось в течение 2—3 лет, но в целом конструкция ружья и большинством охотников, и специалистами-оружиеведами была признана неудачной. Однако это неудачное ружьё сыграло свою положительную роль, за-

ставив заводских конструкторов более внимательно относиться к конструированию охотничьих ружей и изучению иностранного опыта. В материалах по истории Ижевского завода, с которыми удалось познакомиться, по отношению к ружью ИЖ-БК указывается конструктор Морозов.

Чем же не понравилось это ружьё? Следует сразу сказать, что в отношении качества боя и прочности запирающего стволов особых претензий не было. Стволы со сверловкой цилиндричок обеспечивали вполне удовлетворительный бой на нормальные охотничьи дистанции, затвор двойного запираения — на один подствольный крюк и болт Гринера, обеспечивал достаточную прочность конструкции. Замки были на боковых досках, боевые пружины спиральные. Но взводились они не при открывании ружья, как это присуще большинству переломных бескурковых моделей, а верхним рычагом затвора. Вот что пишет о конструкции затвора этого ружья один из самых известных знатоков охотничьего оружия С.А. Бутурлин. «Такая система с технической стороны чрезвычайно заманчива,

позволяя делать сплошную, без вырезов, колодку любой формы. Но самый удобный и излюбленный охотниками верхний ключ к этим системам не подходит, так как при нём одним движением в бок большого пальца приходится преодолевать сопротивление и пружины затвора, и обеих боевых пружин. В первом образце для этого требовалось усилие 17 кг. В конце концов, даже при столь слабых боевых пружинах, что они не обеспечивали ружья от осечек (при чёрном порохе и железных гильзах, дающих сильный прорыв газов назад, при чистке после каждых 25 выстрелов число осечек доходило до 4,8 и даже до 7,1 %), удалось снизить усилие для отвода ключа затвора до 11—12 кг, и это в незагрязнённых образцах. Для значительного большинства охотников и это, конечно, совершенно непосильно. Этот образец именуется «Иж.Б.К.» и снят с производства».

Вместо не прижившегося ИЖ-БК на конвейер было поставлено другое, тоже двустольное, ружьё с горизонтально спаренными стволами под индексом ИЖБ-36.

Охота на медведя на овсах

Охота на медведя на овсах — традиционная русская охота. Она зародилась в северных областях европейской части России, где и до сих пор остаётся одной из самых популярных и востребованных.

На этой охоте и оказался фотокорреспондент нашего журнала Анатолий Фёдорович Дигилевич со своим другом хирургом, доктором медицинских наук, Заслуженным врачом РФ, профессором Михаилом Ивановичем Нечушкиным. Карелия это тоже наш Север. И вот в одном из охотничьих хозяйств в районе г. Олонец наших друзей ждал егерь Виктор Николаевич Ильин. Встреча была тёплой, а хозяева гостеприимными. На следующий день к вечеру первый выход на охоту. Моросил мелкий дождь. Овсяное поле довольно больших размеров (порядка 4—5 га) на подходе всё не просматривалось. Михаил Иванович первым поднялся на вышку, но без карабина, который передать ему должен был егерь, поднявшись следом. Оглядевшись с вышки, Нечушкин стал жестами делать своим товарищам знаки, показывая, что в дальнем конце поля ходит медведь. Пока егерь поднимался и передавал ему карабин, медведь, видимо что-то почувствовав, стал уходить с поля. Михаил Иванович стрелял почти навскидку. Результат вы видите на снимке. А таким выстрелом можно гордиться — 260 больших шагов и практически без упора.

А. ДИГИЛЕВИЧ

Вопросы, вопросы... Когда будут ответы?

Уважаемый Главный Редактор!

Обращаюсь к Вам, как к человеку, трезво оценивающему ситуацию и способному повлиять на создаваемые функционерами охотничьей отрасли казусы. Все ниже высказанное является моим личным мнением. Извините за некоторую сумбурность изложения

1. К руководству в охотничьих делах пришли люди, поднаторевшие в составлении бумаг. Скоро на охоту надо будет ходить с **“портфелем”**. Повидимому, эффективность работы ведомств в вопросах организации любительской охоты и рыболовства оценивается количеством бумаг. В старые времена, наверное, достаточно было соблюдать традиции и иметь возможность охотиться.

Теперь необходимо иметь при себе дублирующие друг друга **документы**, список которых в наш век безбумажных технологий неотвратимо множится:

- охотничий билет;
- в отдельных местах уже нужно предъявлять справку, что сведения об охотнике содержатся в государственном охотхозяйственном реестре (информация с ТВ);
- разрешение на оружие (выдается при наличии охотничьего билета);
- разрешение на добычу охотничьих ресурсов (выдается при предъявлении охотничьего билета, по заявлению)*;
- путевку (выдается с разрешением на добычу охотничьих ресурсов при предъявлении охотничьего билета);
- список охотников на коллективной охоте.

Для чего необходимо:

- получить документ о проверке знаний по охот. минимуму и правилам безопасности;
- получить охотничий билет;
- получить заключение медкомиссии;
- получить квитанцию оплаты сбора за лицензию на оружие;
- получить лицензию на приобретение охотничьего оружия;
- оформить разрешение на оружие;
- подать заявление на разрешение на добычу охотничьих ресурсов*;
- получить (заполнить) квитанцию — оплатить сбор*;
- получить разрешение вместе с путевкой или только разрешение.

* В моем случае для доступа в охотгудья общего пользования необходимо попасть на прием лично в рабочее время. Прием один раз в неделю (не каждую) несколько часов с утра, очередь. Для этого нужно проехать ≈ 200 км до районного центра. Чтобы охотиться на ранее исконно посещаемых мной территориях, а это небольшой район — размером в поперечнике километров 30, необходимо в разных местах района оформить доку-

менты в четыре охотхозяйства и в гудья общего пользования.

Заставить бы авторов этих решений писать заявления на получаемые ими услуги и товары, оплачивать их за километры от мест получения, бегать по охотхозяйствам, стоять в очередях.

И, наконец, взяв в руки **перо**, нужно немедленно, после каждого удачного выстрела, вносить необходимые записи в разрешение.

Ст. 4. Транспортировка продукции охоты и ее реализации производится при наличии разрешения на добычу охотничьих ресурсов, в котором сделана соответствующая отметка о добыче этих охотничьих животных или при наличии заполненного отрывного талона к указанному разрешению.

Сколько же полей должно быть в разрешении на сезонную охоту? И как теперь порадовать друга-бессобачника осенним вальдшнепом — с доставкой на дом? А если обнаружить этот трофей у него дома? Приготовление дичи на кухне не вписанным в разрешение персоналом будет считаться незаконной реализацией?

Целесообразно ли вообще составлять отчеты? Наивно предполагать, что предоставляемый отчет по путевкам и разрешениям объективен. Вся эта информация, в том числе и учет численности так называемых объектов животного мира, подготовленный сотрудниками охотхозяйства, неизбежно будет отражать интересы составителя.

2. Сбор **“400 руб.”** (О письме от 15 апреля 2010 г. № 03-05-04-03/36 Министерства финансов Российской Федерации.)

Конкретные платежи, связанные с охотой прописаны в конкретных статьях налогового кодекса. “Ставки сборов” и “Порядок исчисления сборов”, определены статьями 333.3. и 333.4. Считаю, что в данном случае обоснование дополнительного сбора “притянуто за уши”. Причем, за одно и то же, в случае получения разрешения в Министерстве природных ресурсов и экологии надо доплачивать, в другом — не надо. Неприкритый цинизм и лоббирование интересов “владельцев” охотгудей. Причем при получении лицензии сбор берется дважды за одно и то же. Считаю, что сбор (пошлина, налог) должен взиматься или не взиматься со всех причастных лиц по единым правилам.

Немного подумали... решили, путевки мало, нужно разрешение на добычу охотничьих ресурсов. Получилось без поборов — непорядок. Еще подумали, разъяснили, подразумевать написанное в бланке “Госпошлина за предоставление разрешения на добычу объектов животного мира”, как “Государственная пошлина за юридически значимое действие”.

Наши местные власти пошли дальше. Сократили срок реализации лицен-

зий до 1 месяца, а это только 4 выходных, т.е. реально 2—3 выезда на охоту. Возможность реализации лицензии соответственно тоже сократилась (не со склада ведь дичь берем, по-всякому складывается), а размер сбора не изменен. Сроки открытия охоты в нашем регионе, вводимые ограничения, говоря литературными стереотипами, вызывают недоумение и скорее всего свидетельствуют не только об отсутствии необходимой квалификации у авторов ограничений, но и о том, что это случайные, не причастные к охоте люди.

В этом году открыли охоту по вальдшнепу весной по метровым сугробам, явно не оптимальные сроки были и в последние предшествующие годы.

По осени были запреты в связи с пожароопасностью на фоне периодических дождей (охотники — главные поджигатели?), в связи с 450-летием единства Башкортостана с Россией...

3. **Территории**, захваченные на как бы законных основаниях для организации охотхозяйств (и рыболовных тоже), используются для организации поборов. Заявленные цели не реализуются. Посещаемость угодий охотниками и результативность охот не является показателем эффективности хозяйства, условием продления аренды угодий и успешности государственных, организующих охоту, структур. Некоторые хозяйства используются для обслуживания “своих” людей. Также отсеиваются охотники по имущественному признаку, вытесняются люди небогатые, но являющиеся носителями культуры охоты, что создает условия вседозволенности для имущих. Взимается плата за не произведенную хозяйством продукцию, т.е. за пользование ресурсами, являющимися общенациональным, государственным, достоянием (охота на пролетную дичь; на местную дичь, а также ловля рыбы, привлечение и разведение которых арендаторами территории не производится). Фактически берется плата за право нахождения на “частной” территории.

Я за то, чтобы охотничьи и рыболовные хозяйства деньги **зарабатывали**, т.е. брали плату за результаты своего труда, а не **“делали”** их, используя условно законные акты.

Также я за то, чтобы общенациональные (созданные природой) ресурсы были **доступными**, чтобы наши права на эти ресурсы не ограничивались условными границами административных или хозяйственных образований, или другими способами.

Я за то, чтобы хождения по разным инстанциям за **бумагами** и их оформление не стало основной частью охоты (и источником благополучия чиновников).

В. ПЛЕТНЕВ

г. Межгорье, Башкортостан

Данное письмо направлено в Министерство Природных ресурсов, а в наш журнал только копия, но редакция, выполняя просьбу автора письма, публикует его, будучи полностью согласна с необходимостью этой публикации, тем более, что поднятый вопрос совсем недавно освещался в нашем журнале (см. № 4 — 2014).

Мне приходилось беседовать со многими опытными охотниками и штатными работниками общественных организаций охотников и рыболовов по вопросу применения в охотничьем деле действующих «Разрешений на добычу охотничьих ресурсов» (далее — Разрешение). В разговорах выяснилось, что охотники и штатные работники районных обществ имеют разные мнения по вопросу заполнения таблицы «Сведения о добытых охотничьих ресурсах и их количестве» при охоте на прочие виды охотничьих ресурсов. Другого я и не ожидал, т.к. бланк Разрешения составлен так, что в части пояснений по заполнению таблицы нет чёткости, а это привело к тому, что люди стали судить по своему понятию. Получилось, что хотели сделать лучше, создать универсальное Разрешение, пригодное для всех почти охот, а получилось как всегда (по Черномырдину).

Многие считают, что таблицу нужно заполнять при охоте на прочие виды охотничьих ресурсов только так, как дословно записано: «Таблица «Сведения о добытых ресурсах и их количестве» отделяется 1 от разрешения, заполняется 2 и направляется по месту получения разрешения: — в течение 20 дней после добычи или окончания срока действия разрешения при осуществлении охоты на прочие виды охотничьих ресурсов». Такое изложение порядка заполнения даёт возможность внести в таблицу сведения и не обязательно в охотничьи угодьях, а даже закончив охоту в сезоне, ведь текст разъясняет, что сначала табли-

ца отделяется 1, потом заполняется 2. Пусть это будет условно первый вариант.

Другие считают, что сведения следовало бы вносить при выезде (выходе) из охотничьих угодий. Текст разъяснений Разрешения этому не противоречит. Пусть это будет второй вариант. Есть и другое мнение, которое заключается в следующем. Всё, что охотник добыл при охоте на прочие виды охотничьих ресурсов (лисица это или перепел) необходимо сразу же на месте добычи сделать запись в таблице. Однако изложенные в Разрешении пояснения такого порядка не предусматривают. Мало того, это мнение противоречит здравому смыслу. Приведу простой пример. Охотник охотится на перепела и голубей в нашей Ростовской области (где в 2013 г. норма добычи на день охоты была 15 перепелов и 15 голубей). Это у нас одна из основных летне-осенних охот. В этом случае охотник, добывая птиц одну за другой, должен каждую вносить в таблицу сразу же после добычи и на месте добычи, но не сможет в этом случае, как он не комбинировал бы эти записи, внести (вписать) дневную норму, т.к. строк в таблице 10, а дневная норма 30 птиц.

Второй вариант тоже не реальный. Не смотря на то, что при нём охотник может при выезде (выходе) из угодий записать всех перепелов одной строкой, а голубей — другой. Разрешения ему (с таблицей в 10 строк) хватит только на 5 охот, а это значит, что после пяти охот (а сезон охоты около 3-х месяцев) охотнику нужно будет выписывать новое Разрешение, а потом до конца сезона охоты ещё 6—7 раз. Такого же никто не допустит.

Вероятно автор Разрешения имел в виду порядок заполнения таблицы по первому варианту, что словестно и значится в пояснениях, вот только нужно было ему получить составитель разъяснения, более конкретно. А как сделано — люди понимают по-разному и судят по своим понятиям.

Или нужно для мелкой дичи установить один порядок, а для более крупной (заяц, лиса...) другой? А где граница между ними и кто её будет устанавливать? По имеющимся разъяснениям порядок внесения записей в таблицу и для лисицы и для перепела — один, это всё прочие виды охотничьих ресурсов. Были бы в Разрешении более конкретные и чёткие разъяснения, такого бы разговора и разных понятий не возникало бы. А вообще последний (третий) вариант заполнения таблицы не только глуповатый, но и призывающий охотоведов и егерей проверять как записана каждая птичка, ловить на выстреле, высчитывать время и т.п. Этот вариант будет говорить о том, что уже никто никому не должен верить, а нужен тотальный контроль.

Удивительно, что даже старший советник юстиции Н. Астафьев придерживается последнего порядка (третьего). По крайней мере он так понял разъяснения. Заблудившись «в трёх соснах», он даже связал добычу рябчика с положением по транспортировке и с отметкой — сразу после добычи, что относится к охоте на копытных и медведей, и это по тексту разъяснений хорошо понятно, но, оказывается, не для всех. Вот и вспомнилась поговорка: «Один конь — два рябчика». См. журнал «Охота и охотничье хозяйство» № 4, 2014 г. А что тогда говорить о менее квалифицированных людях? Они с таким Разрешением и личными понятиями испортили уже ни одному охотнику нервы. А ведь всего-то нужно было разработать бланк Разрешения с чёткими указаниями.

Прошу дать мне официальный ответ. Считаю, что нужно вернуть 1500 рублей охотнику А. Десницкому, незаконно оштрафованному за добычу рябчика. Причём тут Десницкий, если охотовед не понимает документы и охоту. См. вышеуказанный журнал.

Ж. АДАМЕНКО

г. Азов, Ростовская обл.

Все хорошее быстро кончается...

Весна была поздняя. Праздник Пасхи пришелся на 5 мая. Тока уже кончились. Вечера гремели соловьями. Утренние зори звучали кукушечными голосами, и было непривычно и грустно от отсутствия поднебесных трелей жаворонков. Что случилось с этим поднебесным певцом? Какие беды воспрепятствовали его возврату на родную землю?

В саду жизнь цветов, несмотря на холодную погоду и ночные заморозки, шла своим чередом. Отцвело разноцветные крокусов, расклевывали головками синие и белые сциллы, застенчиво синели скромные мускари, зато роскошные шахматные рябчики были беззастенчиво красивы. Их изысканную красоту подчеркивали бор-

довые и желтые примулы.

Неизъяснимая прелесть цветов заставляла вспомнить слова нашего великого провидца — «рядом с цветком нельзя быть одиноким».

Фруктовые деревья долго стояли черными, безжизненными скелетами, не подавая признаков жизни. Вешние ветры принесли тепло и вдохнули жизнь в застывшие растения. опережая яблони, вишни, груши, первой зацвела слива. Скоро ее раскидистая крона покрылась белыми цветками. Незамысловато простой, пятилепестковый цветок белоснежного цвета, точно высеченный из мрамора, был прекрасен в своей непосредственной природной красоте. Цветок увенчивала корона длинных пестиков со сладкими головками,

которые привлекали трепещущих белыми, желтыми, пестрыми крыльшками капустниц, лимонниц, крапивниц. Только маленькие изящные голубянки у самой земли соперничали своей окраской с дикими незабудками. Хоровод бабочек и пестроцветье цветов восхищали и заставляли задуматься о красоте и силе жизни природы.

Постепенно весна кончилась. Наступило лето. Песни соловьев сменились жужжанием шмелей и майских жуков. С зарастающего озера доносились заунывные, однообразные стенания выпи.

Часто так бывает в жизни. Почему-то все хорошее быстро кончается.

М. КАЛИНИН

Как мы охотились

А. СТЕПАНОВ

Ноябрь 2013 г. Кто-то из молодых охотников спросил: «А как вы охотились раньше?»

В 1955 году, когда мне было 6 лет, мы переехали из посёлка Сонково на ж.д. станцию Овинищи-1¹. К станции примыкали и располагались недалеко несколько деревень Ивангорского сельсовета. Население было более 1000 человек. Вокруг ширились колхозные поля, и вплотную подходили леса. Леса — смешанные: ольха, осина, берёза, ива, рябина, черёмуха, крушина, калина, сосна, можжевельник; но преобладают ельники, старые и молодые. В изобилии водилась дичь: зайцы, лисы, много белок, тетерева, рябчики, куропатки, голуби, перепела. По ручьям и прудам гнездились утки; в низинках собирались мелкие и крупные кулики; в ближнем Белом болоте гнездились журавли, глухари и чайки. В большом государственном лесу жили глухари, медведи, лоси. В великом множестве с утра до ночи повсюду суетились певчие птицы. Хватало места и хищным птицам, дневным и ночным. Колхозные леса были небольшие, чистые, валежника не было. Стоило только от сильного ветра упасть дереву, как его сразу увозили на дрова или на стройку. При заготовке дров сучья сжигали. Между деревьями и к полям в лесах были накатанные дороги. Через ручьи строили лёгкие мостики для проезда на лошади и для прогона скота. Возле каждой деревни в лесу выгораживали ужохи — выгона для выгула скотины, чтобы коровы и телята не могли стравить поле или убежать в лес и пропасть. Изгородь из жердей местами в глухом лесу была такой плотной, что через неё не мог пролезть даже заяц! Скотина в выгонах дочиства выедала траву, молодую древесную поросль, еловые и сосновые ветви, которые могла достать, кусты можжевельника. Обгрызенные ёлочки и можжевельник всё равно росли только ещё кудрявее! В выгоне под большими елями оставался лишь мох, сухая подстилка из осыпавшейся хвои и чешуйки от еловых шишек. Шишки грызли белки, расклевывали клесты и дятлы. Когда начинался грибной сезон, то грибы в таком лесу стояли, как на ладони: белые, моховики, лисички, серухи-гладухи, рыжики и сыроежки. Мухоморы в глянцевах красных шапках с белыми пупырышками озорно красовались стайками. Для удачного похода за грибами требовалось знать небольшую хитрость: нужно было очень рано прийти в выгон, до солнышка и до коров, тогда полная кор-

зинка была моментально обеспечена! А если проспишь и придёшь в выгон уже по солнышку, то увидишь там много людей с пустыми корзинами, которые ходят по коровьим тропкам друг за другом и кричат: «Ау, ау-у!» Хотя и так всё далеко видно. С разных сторон откликаются, мычат коровы, думают, что это их кличут. Мы с братом Вовкой бегали за грибами два раза в день: утром до восхода солнца и вечером на закате. К концу дня молодые белые успевали подрасти и высунуть из мха свои ещё не загоревшие шляпки. Если хочешь насобирать подберёзовиков и осиновиков, то надо идти в молодой березнячок: их там много, но почти все гнилые. В дальнем казённом лесу в кварталах гослесфонда царила тишина и спокойствие. Не было коровьих тропок, дорог, полей... Только высокие, как колонны, стволы могучих деревьев, где-то на самом верху смыкающихся широкими шапками сучьев на макушках, почти не пропускающих прямые солнечные лучи, — лишь ровный тусклый рассеянный свет без тени. Там и в солнечный день стоял зелёный полумрак. Изредка встречались узкие квартальные просеки да светлые, заросшие сосняком верховые болотца. В болотах по сырым местам росла клюква, а по солнечным кромкам и по просекам — брусника. В большом лесу повсюду черника. Особенно много её было в березняках и по краям вырубков. На вырубках росла малина. В лесной глухомани скрывались глухари. Они спокойно сидели на старых соснах у болота, сразу по несколько штук на одном дереве: рыжие, чёрные и очень крупные серо-пепельного цвета — старые. Ощипывали белыми клювами длинную сосновую хвою и смотрели, как в их болоте люди собирают их ягоды. В болото на чистину иногда выбегали лоси с большими рогами, ревели страшным голосом и пугали баб, собирающих ягоды. В казёнке также росли грибы, но их было трудно искать в черничнике да и далеко идти.

Ходить в лес на охоту я начал с детства. Отец был заядлым охотником-любителем. В сезон отец почти все выходные дни посвящал охоте. Брал с собой моего старшего брата Вовку, а мне говорил: «Возьму, когда подрастёшь». С восьмилетнего возраста иногда брал и меня в ближний лес в хорошую погоду. В 12 лет у меня уже было своё ружьё 32 калибра, только строго под контролем отца. Кроме белок и ворон я из этого ружья ничего не добыл.

В 1960-х годах Овинищенский охотколлектив насчитывал около 100 человек, имеющих ружья. Настоящих охотников было: около 20 гончатников

и несколько охотников, занимающихся пушиной, с лайками. У нас была универсальная, очень выносливая гончая собака Динка, — небольшая, полка, с чёрной спиной и рыжими лапами. Зимой мы с братом привязывали Динку к своим санкам и по очереди катались по дороге. Только на поворотах она нас кувырдала в снег, сразу подбегала, лизала в лицо горячим языком и ждала, когда из снега вылезем, заберёмся на санки, а потом всё повторилось, и всем было весело. Динка помогала отцу возить дрова из леса, легко тащила на постромках по накатанной лыжне санки с дровами. Когда мы отправлялись в ближний ельник в выгон за белками, то Дина понимала, что идём не за зайцами, и работала только по белке. Быстро находила и облаивала белок, пртававшихся на больших ёлках. Под раскидистыми сучьями елей пирамидками стояли кучки шелухи и стерженьков от шишек, — остатки беличьих столовых. Мы с братом деревянными колотушками стучали по стволу дерева, белки пугались и перебежали по веткам, а отец стрелял их из старенькой одностволки с прикрученным проволокой цевьём. Заряды для белок были маленькие, из дымного пороха, смешанного для крепости со спичечными головками, самодельной мелкой дробью. Для пыжа использовали хорошо измятый кусок старой газеты. Пыж заколачивали деревянной палочкой с молотка. Дробь шла очень кучно и резко. Высота старых елей была около 30 м. Дина подбирала падающих белок, аккуратно придушивала и приносила отцу, — никогда не рвала и не слюнявила ценную шкурку. Зачастую с одной ёлки брали по 3 белки. Белки встречались разные: коренные серые еловки, рыжие сосновки, голубые с чёрными хвостиками северо-печорские. Печорки ценились в два раза дороже местных. Ещё попадались белки-летяги с мехом, как у шиншиллы, только мелкие. На шкурку белки можно было купить 2 кг хлеба. Беличьим мясом кормили собаку и кур. Куры, даже зимой, несли яйца.

К декабрю 1955 года у отца было добыто около 350 штук белок, десятка два хорей и зайцев. Пушнину он сдал в Сонковскую заготконтору — нужны были деньги для переезда. Через год, уже в Овинищи, ему пришло письмо из Сонкова и денежный перевод, — прислали дотацию за сданную в декабрь пушнину, т.к. зимой увеличились закупочные цены. Люди, закалённые Отечественной войной, верили друг другу на слово, не требовалось никаких бумажных заверений. Кроме белок отец добывал на охоте хорей, горностаев, куницу (по лицензии),

¹ Железная дорога от Москвы через Дмитров, Калязин, Сонково, Овинищи-1, Пестово и далее на С.-Петербург.

зайцев и, иногда, лис. Также охотился «по перу»: приносил уток, тетеревов, рябчиков, куропаток. Летом мы все ловили кротов. Хорей попутно на охоте ловила Динка. Только ей нужно было помогать выкопать хоря из-под корня дерева или из-под кучи сучьев. Горностаи зимой обычно прятались под стогами сена на лесных полянах. Горностаи мы выгоняли из-под стогов жердиной. Он выскакивал и сразу нырял в снег. Собака бросалась его ловить! Выныривал он из-под снега возле деревьев и от собаки взлетал белой молнией по стволу на ёлку! Вот тут-то и требовалось ружьё малого калибра. Надо было аккуратно выстрелить горностаю по головке, чтобы не испортить дорогую шкурку (горностаи ценились, как лиса). Куницы почти не встречались. К хорям Динка была особенно не равнодушна. Даже когда сильно уставшие мы еле шли-ползли потемну к дому, и Динка с ободранными лапами плелась сзади, стоило ей причуять хоря, — сразу бросалась в погоню. Рыла когтями землю, грызла зубами корни, — не давалась в руки, оставалась в лесу и не успокаивалась, пока не придушит вонючку. Приходила из леса ночью, приносила хоря и лаяла у двери, весело виляя хвостом. Потом долголизывала свои лапы и три дня валялась в будке вверх лапами, залечивалась. Жила у нас Динка 14 лет.

Когда открывался осенний сезон охоты на зайцев — с гончими по черноотропу, то белки были ещё некунные, то есть не перелиняли с короткой рыжей летней шерсти на зимний пышный дымчатый мех. До настоящей зимы мы охотились только на зайцев. Наша Динка быстро находила зайца в ближних зарослях ивняка и азартно, с голосом, гнала его. Заяц носился по лесам и болотам большими кругами, путал след: делал смётки, спрыжки, двойки, тройки, петли, обратный ход — в пяту, но Динка всё распутывала верхним чутьём и не отставала. При этом выскакивали другие, шумовые зайцы, но собака не сбивалась и не отставала именно от своего зайца! Гон отдалялся, сходил со слуха — приходилось бежать в ту сторону, — гон появлялся на слуху в другом направлении, — бежали туда... Иногда случайно, по пути, добывали шумового зайца. Потом вдруг гон оказывался сзади, откуда только что убежали. И вот так носишься по лесу как угорелый! К обеду заяц уставал и начинал ходить кругами по своим следам. Тогда уже не бегаешь, а стоишь, терпеливо ждёшь на лазу. Наконец, вот он — мелькнул белым пятном, среди чёрных деревьев, быстро приближаясь. Бежит с высоко поднятыми белыми ушами с чёрными кончиками, слушает на бегу преследующую его собаку... Ружьё к плечу, поводка, упреждение — меткий выстрел! И вот трофей уже висит на верёвочке за спиной у счастливого охотника. По следу прибегала собака и получала награду — пазанок от задней заячьей лапки. Ловила его

на лету и с хрустом сжирала! Отец предвзвешенно с заячьей лапы обрубал длинные когти, чтобы собака не подавилась. Собака сразу убегала и гнала по горячему следу второго, уже поднятого зайца. Вдали с разных сторон доносились звуки голосов других гончих и выстрелы охотников. По голосам собак и звуку выстрелов охотники знали, кто и где охотится. В начале сезона в удачные дни удавалось подстрелить двух-трёх зайцев за один выход. У охотников существовали древние неписанные правила, передаваемые по наследству: если подстрелили зайца из-под чужой собаки, то зайца нужно отдать хозяину собаки, а тот возвращал патрон. Были такие серьёзные гончие псы, которые могли отобрать у чужого охотника «своего» зайца, или гончак шёл сзади за охотником, забравшим его дичь, рычал и злобно лаял. Лучше отдать сразу и не связываться! Раньше собаки были в чём-то умнее некото-

рых теперешних «искусственных» охотников. По сложившимся традициям охотники старались не мешать друг другу. Начинали охотиться каждый на «своем» участке. К исходу боевого дня почти все были с трофеями. Собаки тоже не зевали: во время гона ловили молодых зайчишек и съедали на месте — сразу целиком и дочиста, иначе не выдержат изнурительной гонки. Ближе к вечеру охотники собирались группой на лесной дороге: делились впечатлениями, прикольно шутили-ржали, курили, перекусывали ломтём чёрного хлеба с солёным огурцом и варёным яйцом. Термосов в то время не было, никто не брал в лес воду, а тем более водку — не было нужды. Собаки тоже собирались в одну стаю и все гоняли одного зайца-профессора. Это был сильный и умный матёрый, непростой заяц. Ходил он каждый раз по новым кругам, самым худым местам, поэтому подстрелить его было невозможно,

А. Горшенев с гончими с Добором и Габоем

да и не нужно. Снять с гона собак тоже было невозможно, они не слушались. Всю стаю вела сука — наша Динка. Мужики оставляли собак в лесу и шли домой, надо было торопиться в баню, пока есть пар. Из бани шли в столовую, пить свежее пиво. Пили до закрытия. (Раньше пиво варили в соседнем районе в Красном Холме и привозили к нам по торговым точкам общепита.) Заяц тоже прибегал в столовую, пролезал во двор через щель в заборе и прятался под штабелями дров. Собаки прибегали следом, но не могли попасть во двор. Если какая-то самая хитрая и пролезала, то её, со звоном пустых ведер и визгливыми воплями, выгоняли с позором разгоряченные краснолицые кухонные работники, которые за всем этим наблюдали из больших окон. Они очень громко эмоционально жалели «бедного зайчика!» Уставшие собаки мирно сидели вокруг высокого столового крыльца, зализывали натруженные лапы и ждали своих хозяев, как умеют ждать только собаки. Заяц-профессор сидел в дровах, грыз сухую осиновую кору с поленьев и ждал ночи, когда можно будет залезть в чей-нибудь огород и погрызть, поскоблить добела сладкую кору с культурных яблок. На другой день, в воскресенье, охота продолжалась. Собаки сразу с утра брали след «профессора». Он уводил собак далеко и надолго. Во вчерашней мешанине следов было не разобраться. День проходил впустую. И пиво в столовой кончилось...

Некоторые гончие работали только по зайцу. Некоторые, во время гона зайца, вдруг переключались на лису, на красного зверя. Это не запрещалось, красный — был престижнее зайца. (У нас обитали лисы трёх расцветок: желтоватая — сиводушка, с проседью — крестовка и самая яркая — огнёвка.) Были собаки — чистые лисогоны. Лисогоны особенно ценились. Бывало, собака заганявала, душила лису и неслась её домой хозяину. И никому ни за что не отдаст по дороге! В заготконторе шкурка лисы (на «брежневские» деньги) стоила 12 рублей, а модницы покупали с рук выделанную «лису» за 25 рублей — это примерно 3000 руб. на теперешние деньги. Ещё бывали гончие собаки безголосые, из-под них трудно было взять зайца, они гоняли молча, старались сами поймать дичь и съесть. Встречались гончие собаки и тупые. Не глухие или слепые, а именно тупые. Увидев заячий след шли в пятую с голосом, т. е. в обратную сторону! Когда этот след заканчивался, замолкали, находили другой след, незатоптаный и — снова, с лаем, в обратную сторону! С такой собакой, с гарантией, охотнику не увидеть зайца. А ещё бывают «пустозвоны». Один мой знакомый охотник-гончачник купил молодого, крупного, с отличным экстерьером, огненного цвета, с сильным залившимся голосом выжлеца. Поддержал немного дома — кобель, звали его Набат, был послушный и добрый. Потом повёл Набата в лес «на

пробу». Выжлец сразу нашёл и с голосом погнался зайца. Но сколько ни пытался охотник подстать под гон и увидеть того зайца, которого гнал кобель, — бесполезно, похоже, что зайца-то и не было... Выжлец без устали стремительно носился по всему лесу и не просто лаял, а хорошо поставленным голосом со звоном, упорительно заливался! Заяц от такого натиска в лесу ошалел, разбегались в разные стороны и прятались от собачьего голоса в густой чаще, где собака не могла промчаться. А гордый красавец-гиацинт не обращал на них внимания — чуял в воздухе заячий запах и самозабвенно носился по лесу. Охотник свёз красавца обратно туда, где купил. Конечно, музыку гона слушать приятно, но ведь и мясца иногда хочется!

Расскажу ещё случай. У моего соседа Михалыча был крупный гончий пёс, костромич. Звали его Пират. Пират хорошо, старательно гонял зайцев, только Михалыч не любил бегать по лесу, просто долго и терпеливо ждал и очень горячился при виде зайца, поэтому частенько мазал. Однажды я пошёл на охоту, по свежей пороше тропить зайцев. Но раньше меня в это же место пришёл Михалыч. Его Пират напористо погнался косо. Я пошёл по лесной дороге в другое место. Гон внезапно прекратился, Пират замолчал. Не похоже, чтобы он словил зайца, и выстрела не было. Пройдя немного, увидел соседа, сидящего на пеньке, с ружьём в руках. Спросил, почему Пират замолчал? Михалыч ответил, что он ушёл встречать поезд. Я не понял и переспросил: «Кто ушёл?» Михалыч разяснил, что Пират ходит к 10-часовому пассажирскому поезду побираться. Проводники его уже знают и припасают куриные косточки. И добавил: «Да ты обожди, минут через 10 вернётся, обслужит поезд и прибежит снова гонять!» Зимой Пират ночевал дома, а днём жил в сарае на сене, без привязи. Пират был очень здоров, привязь его не держала. Как-то я увидел, что у соседа выбито окно на кухне и заткнуто изнутри тюфяком. Спросил, что случилось? Михалыч рассказал: «Нинка утром ушла на работу, Пирата забыла выпустить, и дверь заперла». Перед прибытием 10-часового Пират начал громко выть, грызть и царапать дверь, но дверь не поддавалась. Чувствуя, что время приближается к критической точке, Пират разбежался по прихожей и лихо выскочил на улицу через кухонное окно вместе со стёклами и половинкой рамы. Но к «своему» поезду не опоздал! Время он определял точно, безо всяких часов. В жизни нет ничего постоянного. Настоящим ударом для Пирата стало, когда «его» поезд отменили. Он затосковал. Подолгу сидел на пустом перроне и ждал. Сначала перестал гонять зайцев, да и совсем захирел...

Моя самая любимая охота была на зайцев с подхода, самотопом. Охотничий сезон открывался осенью ещё до снега. По чернотропу охотился на узёр-

ку. Как можно бесшумнее ходишь по лесу по заячьим местам и высматриваешь хитрого длинноухого зверька, его начавшую белеть шубку, где он спрятался? Заглядываешь под маленькие ёлочки, под низкие густые лапы больших елей, смотришь под валежинами, ищешь в густом черёмушнике по берегам оврагов, в зарослях густой травы... в общем, в тех местах, где трудно пролезть. А найденный заяц чаще всего благополучно убежал. Ещё я любил охоту на гусей весной, в самый разлив, когда невозможно никуда пробраться. Но только не для охотника. В 1960—70 годах проводилось освоение земель Нечерноземья: раскорчевали лес, накопили осушительных канав, распахали новые поля и засеяли зерновыми культурами. Осенью наша глина сильно раскисает, и убирать урожай невозможно, т. к. нет дорог. Много зерновых оставалось под снегом. На дармовом корме быстро развелись кабаны. Весь пролётный северный гусь пошёл через наши центральные районы Нечерноземья, останавливаясь в полях на кормёжку и длительный отдых. Это была большая Охота! Иногда удавалось принести четырёх тяжёлых гусей с одной вечерней зорьки. И не было ни одной весны, когда бы я случайно не выкупался в непомерно разлившимся болотах или в вышедших из берегов ручьях, в бурлящих сумасшедших водных потоках со снегом и льдинами. Но ни разу не простудился! Настоящим праздником для охотников была и есть первая пороша. Все охотники, кто мог ходить, затемно уходили в лес по своим заветным местам. Утром, в свете лучей восходящего солнца, красным золотом загорались вершины елей, покрытые пушистым снежком. В прозрачном воздухе под звонкие перестуки дятлов со всех сторон начиналась музыка большого гона. Эхо гуляло в вершинах деревьев, голоса гончих то затихали, то усиливались по ветру, пели, сливаясь в унисон! Душа охотника трепетала и пела вместе с голосами любимых собак, только из-за этого и то — стоило счастливо жить.

Когда по первой пороше идёшь на зайцев без собаки, то начинаешь искать их с кромки леса от овсяного поля. Заяц всё лето кормился в овсе и продолжает по привычке ходить к уже пустому полю, хотя бы просто побегать, порезвиться. И вот находишь под деревьями припорошенные, чуть заметные вечерние заячьи наброды, — значит, косой где-то рядом! Заяц боится первого снега и дня два не даёт след. Потом голод всё-таки заставляет их выйти на кормёжку. Причем выходят дружно, сразу все. Появляется масса свежих следов, соединяющихся между собой, — начинается многогоследца. Тогда найти ушастого ещё труднее. В общем, заметив заячьи следы, начинаешь очень осторожно их распутывать. Идешь всё время в обход следа, со стороны. След никогда не затоптываешь. Беляк от поля обязательно уй-

дёт на днёвку в лес. Внимательно, не пропуская, осматриваешь все подозрительные места. Снег белый, пушистый. И заяц — белый, пушистый. У зайца чёрненькие только кончики ушей и круглые глаза. Глаза вверх по бокам головы, чтобы смотреть одновременно во все стороны, кругом. Обычно чёрный круглый глаз и выдаёт зайчика, выделяется среди белизны снега. Но заяц как-то определяет, что его заметили, и мгновенно большим прыжком, затем зигзагами стремительно удирает, прикрываясь деревьями. Целиться некогда, лупишь из ружья навскидку, с рук. Иногда, бывает, и не промахнёшься! Тогда, с увесистой добычей в сумке, веселее ходить по лесу.

Особенно хороши зайцы-русаки! С кудрявой шерстью — голубой, с соседью, с розовой искрой по бокам; чёрный ремешок по спине; желтоватое, с чисто-белым цветом, брюшко; с тончайшей шерстью; с ярко-рыжими подпалинами; длинные лапы тёмно-песочной окраски; чёрный с белым хвостик... Бегают русаки очень быстро. Носятся по полям, по дорогам, по-за деревьями через огороды. Кормятся в полях: на озими, возле клеверных скирд, у сенных сараев. Обьедают тонкие ветви и кору с культурных яблонь в садах. Не боятся деревенских собак, — ночью собаки спят, да собака и не пролезет через частокол, а заяц пролезает через известные только ему щели в огороде. Русаки устраивают свои днёвки в поле, под большим ломтём земли на пашне, в густом огрехе сухой травы, в зарослях иван-чая и крапивы на межице, под огородами, даже на старой скирде соломы. Случается, во время гона русак уводит далеко по дороге, в чужие деревни преследующую его собаку, и собака терается.

Ещё есть тумаки — помесь русака с беляком. Тумаки толстые и жирные, с рыжеватой или сероватой окраской по бокам, но без чёрного ремешка по хребту и без ярких рыжих подпалов, характерных только русаку. Бывают внешне похожи на русака. Но у русака характерная узкая сухая лапа, а у тумака лапа гораздо шире. У гибрида беляка с русаком зимой преобладает белая окраска, но у него очень часто на лбу между ушей сохраняется рыжесерое пятнышко. Тумаки прячутся и на поле, и на окраине леса. Предпочитают сосновое болото, где устраивают свои лёжки в высоких сухих кочках.

Матёрый беляк весит 2,5—3 кг, русак — 4—6 кг, тумак — 4—4,5 кг. До появления в нашем лесу кабанов и енотов зайцев было много. За сезон охотник-гончатник добывал штук 40 зайцев и несколько лис. Количество зайцев зависело от погоды: сухое лето — осенью зайцев много, сырое дождливое лето — зайцев мало. Много было и разных промысловых птиц. Имелась отличная кормовая база. Всюду ширились возделанные поля: зерновые культуры, горох, чечевица, лён, клевера, кормовые травы. Бывало,

мы, ребята, идём в лес за малиной на старые вырубki или на корчёвки, а вдоль дороги, чуть ли не в каждом кусту, порхают молодые куропатки, тетеревята, рябчики. Утром по росе или после дождя крылья у птиц намокают, и мы, пацаны, окружали, начинали гонять и обессиленных ловили в высокой траве. Их мамка-тетёрка громко хлопала крыльями, трепыхалась, металась вокруг нас, пытаясь отбить своего тетеревёнка! А мы держим цыплёнка в руках, его сердечко часто-часто колотится, он тарашится на нас круглыми чёрными глазёнками, норовит клюнуть за палец. Дичь — никудышная. Молодые птицы тощие, есть там нечего. Мы их жалели и отпускали обратно к мамке. А малина? А про малину и забыли, да уже и собирать неохота. Вернёмся домой, скажем, что не нашли. Сами же уйдём на рыбалку на Песочный ручей за пескарями. И вот что ещё запомнилось из тех лет: люди в лесу не мусорили. После охотников или рыбаков оставалось только холодное кострище. Пластмассы тогда не было, а пустые бутылки забирали с собой, их принимали обратно во всех магазинах. Цена пустой бутылки соответствовала цене буханки хлеба. А сейчас, где только побывали люди, там валяются пластмассовые упаковки, бутылки, пачки из-под сигарет, банки... Ещё страшнее этого мусора наша природа заражена мусором биологическим и уже приблизилась к экологической катастрофе. Придорожные каналы и брошенные поля зарастают пятиметровым ядовитым борщевиком. Во всех болотах, ручейках, речках живут бобры. Бобры уже уничтожили истоки чистой воды, ручьи и малые реки, куда на икрамёт заходила рыба, рыбы мальки потом скатывались в большие реки на нагул. Раньше, до бобров, в каждом ручейке на дне лежали камушки, чистый песочек, и текла кристальной чистоты вода, водилась мелкая рыбёшка: гольцы, пескари, лёжни... В маленьких речках жили разные ракушки, моллюски, раки, обязательно были налимы, щуки, окуни, плотва, ельцы, бычки. В более глубоких реках, где уже можно было нормально купаться, обитали и более серьёзные виды рыб. А уж карасей-то было много в каждом пруду. Сейчас всей этой рыбы нет и ручьёв нет, — всё уничтожили бобры. Появились ротаны. Они жрут всё и друг друга, а сами не растут.

Наша ст. Овинищи-1 находится на возвышенности. Отсюда берут начало много ручейков, текущих вниз в разные стороны к рекам. Из рек, вверх по ручейкам к нам стали приходить выдры. Приходят поздней осенью и весной в марте—апреле. Лазят в посёлке по помойкам, по выгребным ямам, по прудам, подходят к сельскому магазину, видимо, чувствуют специфический рыбный запах из подсобки. Ночью выдры бегают вдоль и поперёк ж.д. станции, прямо по рельсам. В реч-

ках нет корма: ни рыбы, ни раков, ни беззубок, ни лягушек... Ручьи завалены гниющим древесным хламом, в несколько ярусов перегорожены бобровыми плотинами и залиты грязью — гумусом, стекающим с берегов по бобровым канавам и норам. Ручьи превратились в гнилое вонючее болото, где не выживут и комары! Бобры подтопили лес, деревья гибнут, заражаются короедом. Короеды перелетают на здоровый лес. Вот она — смерть! Весь наш лес уже заражён короедами.

Птицы почти пропали. Развелись еноты и лисы. Пропали зайцы. Еноты и лисы болеют бешенством и чумой. Дохнут кабаны. Очередь за домашней скотиной. А потом начнут болеть и люди. Еноты по ночам ходят по посёлку по помойкам. Лисы в деревьях ловят кошек. Полей нет, в лесу жрать нечего. Сегодняшние охотники уже не знают охоту по болотной и полевой красной дичи. Забывается охота на боровую дичь. А раньше у каждой деревни был свой тетеревиный ток. Про гончих собак стали забывать — не зачем и негде охотиться. «Наши» экологи и «зелёные» слепы и короткоχύтывисты. Армия чиновников, проедающих госбюджет, занимается подменной истинных проблем, только бумажной отпиской, которая удовлетворяет руководителей всех рангов. Главное, — спокойствие, авось, пронесёт! Не пронесёт. Наши дети будут хлебать эту грязь.

Сейчас, пока не началась эпидемия у бобров, нужно срочно открыть фабрики по переработке шкур и мяса бобров. Всех их уничтожить, как вредителей. Платить охотникам хорошие деньги за шкуры лис и енотов, производить широкую закупку. В конце концов, — нанять китайцев! Тогда, может, и спасём нашу природу.

Во всём этом негативе промелькнула одна светлая искра: у наших охотников было поле, засеянное овсом, и рядом — подкормочная площадка для кабанов, за деревней Попадино. На кормушке для кабанов круглый год кормились разные птицы. Потом это поле забросили, перешли на другое место. Лето в 2010, 2011 годах было жаркое, и два дуба в нашей деревне давали хороший урожай желудей. Сойки, кормившиеся на кабаньей кормушке, оставшись без корма, переключились на желуди. Собрали все до одного и унесли в окружающий деревню лес, где в разных метрах закопали, спрятали желуди... В прошлом и нынешнем годах желуди дали многочисленные всходы на большой территории. Лет этак через 50—100 в Вёсегонском районе вокруг того места, где ещё стоит д. Попадино, вырастет дубовый лес, если, конечно, его не съедят бобры и короеды!

А на улице начинается зима. Кружиться, кружиться, кружиться — падает снег, ягоды красной рябины расклеваны птицами... Годы проходят, как лайнер, берущий разбег — кадры немого кино, с позабытыми лицами...

Волк и росомаха о. Врангеля

О. СТАРОВА, старший научный сотрудник заповедника «Остров Врангеля»,
В. КОЖЕЧКИН, кандидат биологических наук,
В. КАЗЬМИН, кандидат биологических наук

Остров Врангеля расположен в восточной части Северного Ледовитого океана, с запада омывается Восточносибирским, а с востока — Чукотским морем. Площадь острова — около 7673 км², примерно 2/3 занимают горы с максимальной высотой 1095 м над ур. м.

Географическое положение, своеобразные климатические условия, преимущественно горный характер местности обуславливают наличие пяти ландшафтно-климатических районов. Зимы на острове исключительно суровые и продолжительные (около 9 мес.), с морозами до 60 °С и сильными ветрами. Наиболее холодные месяцы — февраль и март. С середины ноября по январь наступает полярная ночь. Формирование снежного покрова начинается в сентябрь—октябре, первые проталины образуются в начале мая, половодье начинается, как правило, 1 июня и длится порядка 10 дней.

От материка остров отделён проливом Лонга шириной 140 км. Морской лёд начинает формироваться в конце ноября, за зиму достигает около 1,5 м толщины, а в конце июня разрушается на отдельные льдины. Сплошной ледяной покров позволяет таким млекопитающим, как северный олень, белый медведь, песец, росомаха, волк и обыкновенная лисица перемещаться с материка на остров (Куприянов, 1985; Портенко, 1949). Подобные переходы наблюдаются не ежегодно и зависят от состояния ледовой обстановки в проливе Лонга. Таким образом, островная популяция хищников не является изолированной (см. рис.).

При подготовке статьи мы использовали материалы «Летописей природы» заповедника «Остров Врангеля» с 1976 по 2013 год, литературные данные, личные наблюдения. За этот период в заповеднике было зарегистрировано около 190 следов волка и 90 непосредственных встреч хищника и примерно столько же следов и встреч с росомашами (свыше 200 и 90, соответственно).

Волк. В первые годы образования заповедника (с 1976 по 1982 г.) численность волка регулировалась по приказу Главохоты РСФСР. В эти сроки было изъято из природы острова 12 волков. Весной 1981 года, во время отстрела, убитая единственная размножавшаяся волчица, две самки-переварка и матерый самец. Кроме того, одна самка-переварка пала естественной смертью (Овсянников и др., 1984; Чернявский, 1984).

В 1982 г. из трех зарегистрированных волков отстреляли ещё пару (самца

На острове Врангеля волки — активные хищники

Фото С. Истомова

и самку). В 1983 г. в районе бухты Сомнительной 3 июня было учтено всего два зверя (взрослый и молодой). После этого присутствие волка на острове долгое время не отмечалось.

Следующий заход четырех хищников с материка на остров по льду был отмечен в 2003/04 гг., после чего следы стали отмечаться регулярно. Один раз была непосредственно встречена группа из трех зверей. С 2005 г. численность хищника стала увеличиваться и в 2006 г. оценивалась в пределах 10 особей.

Главная причина увеличения поголовья волка — это прекращение борьбы с хищником, а также высокая численность населения копытных — основного корма.

Интродуцированных в 1975 г. на остров овцебыков в течение ряда лет волки практически не преследовали, их основной жертвой были северные олени (Сыроечковский, 1975; Овсянников и др., 1984). С падением численности северных оленей и ростом поголовья овцебыка волки стали менять объекты охоты. В снежный период года распределение копытных по территории достаточно динамично и зависит от глубины и твердости снежного покрова. Олени и овцебыки держатся стадами на участках зимних пастбищ с доступными подснежными кормами. Приближение волков заставляет овцебыков становиться в круг с наклонёнными навстречу врагу рогами, сутками держать оборону и оставаться на хорошем пастбище, тогда как олени спасаются бегством. Одиночные животные, как известно, предпочитают

емень объект для охоты этих хищников.

Первые зарегистрированные случаи нападения волков на овцебыков отмечены в 2005 г. В этот год обнаружены две жертвы (самец 5—6-летнего возраста и телёнок-сеголеток). Во второй половине зимы 2005/06 гг. выше устья р. Тулес, на террасе правого берега, были найдены остатки взрослой самки-овцебыка. 16 июня 2006 г. на правом пойменном берегу р. Тундровой у «Прижимов» группа из трех волков встретила взрослую самку овцебыка с годовалым телёнком. В одиночку самка не смогла защитить детёныша, телёнок был убит волками.

В 2007—2008 гг. следы волков встречались повсюду, было отмечено 9 встреч с хищником и 17 свежих следов. Удалось выявить места, используемые хищниками для размножения. Так, одно «укромное место» обнаружено в долине р. Гусиной, а в 2008 г. и в 2009 г. зафиксировано три логова. Прежде они были жилищами песцов. Позднее расчищены и посещались волками. В одной норе было два отнорка. В целом места обитания и размножения волков совпадают с районом предпочитаемых летних мест обитания копытных. В 2009 г. отмечено заметное снижение количества встреч следов и самих животных, но в 2010 г. зафиксирован очередной подъем активности — 37 следов и 7 встреч зверей, обнаружено 3 посещаемых логова.

Несмотря на относительное благополучие популяции волка, 17 марта 2010 г. молодая волчица спарилась с полярной

собакой в долине р. Наша, где она успешно вырастила щенят. В 2011 г. встречен выводок гибридов: 6 особей, из которых 2 — серого окраса, 4 — черного. Они держались единой группой, не избегали людей, широко перемещались по территории острова.

В 2012 г. встречаемость следов хищников снижается. Из 16 обследованных логов, следы хищников отмечены только на трех старых и на двух новых логовах. При этом не менее 11 зарегистрированных следов принадлежали гибридам, а в пяти случаях принадлежали волкам. В мае у семейной пары было зарегистрировано 3 щенка, из которых два имели черный окрас, а один — серый. В июне была отстрелена самка с темным окрасом — предположительно гибридная.

В 2013 г. волчьи следы встречались во всех районах острова на протяжении всего периода наблюдений. Отмечено размножение одной пары, у которой было два щенка бурого цвета.

Росомаха. Первые сведения о присутствии росомахи на острове приводит А.Г. Велижанин (1965), хотя первые поселенцы и зимовщики знали о пребывании здесь этого хищника. Позже Ф.Б. Чернявский (1978) считал, что из-за своей малочисленности зверь здесь постоянно не живет, заходят только отдельные особи. Другую точку зрения высказал Б.В. Новиков (1981), полагая, что росомаха на острове — оседлый вид.

За период между 1980—1990 гг. следы одиночных росомах регистрировались не каждый год. Поголовье хищника оценивалось не более 2–3 особей (Овсянников и др., 1984; Летопись природы заповедника 1983–1990).

В период 2004—2013 гг. встречи росомах и следов их жизнедеятельности регистрировались систематически, а общая численность животных увеличилась от 5 до 10 особей. Об этом свидетельствуют данные следовой активности зверей, которые отмечались во всех бассейнах рек как в снежный, так и бесснежный периоды. Интересно, что переходы росомах через центральные горы (с севера на юг и обратно) отмечались регулярно. Встречались звери и в Безымянных горах, и у отдельного горного массива Кит — на границе с северной равниной Тундры Академии, и даже на удалении порядка трех км от берега на льду моря. В 2004 г. в разных районах острова наблюдали 5 зверей, зафиксировано 27 визуальных встреч и свежих следов. Удачным был 2008 г. — 9 встреч зверей и 17 следов жизнедеятельности. При этом по одному разу наблюдали самок: в начале мая с 1—1,5-месячным щенком, а в середине августа — с двумя подростками сеголетками. В 2009 г. было встречено 8 зверей. В 2010 г. — 5 визуальных встреч и 31 след одиночек, один парный и один семейной группы. В 2011 г. в разных районах звери встречены 8 раз и отмечен 21 след (19 одиночных и 2 семейных групп). В 2012 г. отмечено 7 разных особей в долинах нескольких рек. В истоках р. Незнающей держалось не менее трех особей.

Приведенные факты свидетельствуют об увеличении поголовья росомах на острове Врангеля. В последние годы в структуре населения этого хищника стало больше встречаться молодняка, что является индикатором благополучия кормовых условий обитания росомах.

Снежный покров — важнейший экологический фактор, влияющий на жизнедеятельность животных. Современное глобальное потепление климата стало особенно заметным в Арктике: зимние оттепели и влажные осадки создают корки наста и гололедицу, увеличивают твердость снежного покрова, что в итоге усложняет доступность подснежных растительных кормов для животных. Изменения механических свойств снежного покрова негативно отражаются на условиях обитания популяций северного оленя и овцебыка, состояние которых до недавнего времени на острове Врангеля было достаточно благополучным (Казьмин, 1986; 2006; Груздев, Сипко, 2007). В настоящее время на большей части территории острова твердость и глубина снега приводят к тому, что добыча подснежного корма северными оленями и овцебыками стала или невозможной, или требует повышенных затрат энергии. Это катастрофически отразилось на популяции северного оленя, численность которого с 2004 по 2007 гг. упала с 8—10 тыс. до 450—500 голов. Поголовье овцебыка не велико (500—1000 голов), поэтому эти животные находят пригодные для пастбы участки и сохраняют стабильную численность (Казьмин, Абатуров, 2009).

Как показывают наблюдения, росомаха на острове — чрезвычайно мобильный и экологически пластичный вид, способный безошибочно определять места концентрации жертв и падали. Гибель животных в больших количествах улучшает кормовые условия для росомах и других хищников. Росомахи, в описанных выше условиях, далеко не перемещались, держались на ограниченной территории, утилизируя павших животных. Например, плотность погибших северных оленей в Центральном ландшафтно-климатическом районе весной 2005 г. составляла один труп на 2 кв. км (Баранюк В.В., устное сообщение). Примерно такая же величина падежа оленей отмечена в Восточном районе острова (уроцище Уэринг; Олейников И.П., устное сообщение). В северном и южном районах этот показатель был невысок — один труп на 9—12 кв. км. Плотность распределения погибших овцебыков в зимних местах обитания была практически обычной: в западной половине южной приморской равнины она составляла один труп на 15 кв. км, а в восточной половине этот показатель доходил до одного трупа на 4 кв. км (Олейников И.П., устное сообщение).

Зимой росомахи предпочитают питаться остатками северных оленей и овцебыков, убитых волками. Неполная утилизация трупов в зимнее время весьма обычна для волка. В январе 1988 г. на участках горной тундры в верховьях р. Наша, где паслись стада в 50 и 400 особей, обнаружены разорванные остатки оленя и следы крупной росомахи. Тропление её следов привело ещё к одной волчьей жертве. В 2005 г., в западной части ост-

Двухмесячные щенки росомахи в логове

Фото А. Landa

Росомаха во временном убежище — в снежном надуве у берега реки
Фото И. Шпиленок

рова найдены недоеденные остатки двух овцебыков и одного оленя, а в 2006 г. — трех овцебыков и взрослого оленя, ставших жертвами трех волков. Эти остатки в дальнейшем привлекали воронов и бургомистров, а затем их поедали другие хищники: белые медведи, росомахи, песцы.

При обилии пищи потребность росомахи в самостоятельной охоте заметно уменьшается. Отмечены только 3 случая, когда эти хищники самостоятельно добывали северных оленей. В период отела овцебыков росомахи держатся вблизи стада, поедая послед, а иногда успевая утащить и новорожденного.

В летний период спектр кормовых объектов росомахи значительно расширяется за счет мелких млекопитающих (леммингов) и гнездящихся на земле птиц. Звери, обитающие вблизи колоний птиц (западная часть острова), разоряют гнезда белых гусей, поедая яйца. Так, например, поступила 11 июня 1987 г. в районе ручья Балкового крупная росомаха (ширина сле-

да 11 см) в южной части гнездовой колонии белых гусей (долина р. Тундровой). 20 июня другая росомаха (ширина отпечатка этого зверя 8 см) также разоряла гнезда, большинство яиц она прятала, причем по несколько штук в один тайник. Следы ещё одного хищника отмечены на гнездовой колонии 5 июня 1990 г. 16 июня 1992 г. на окраине колонии также наблюдали взрослого зверя, а 26 июня, похоже, эта же росомаха собирала яйца и уносила в русло ручья и прятала в моховой покров. В июне 2004 г. на гнездовые видели двух росомах (молодого зверя и взрослую самку), которые держались вместе.

Сведения о размножении росомах на острове отрывочны. Этот хищник хорошо адаптировался к современным условиям обитания в заповеднике. В апреле 2004 г. было обнаружено логово росомахи, которое она устроила в заброшенном старом балке. В жилище находились один щенок и останки новорожденного овцебыка. Другое выводковое убежище хищника, обнаруженное в мае 2005 г. в верховье р. Неизвестной, представляло собой углубление в снегу, устроенное в крупноглыбовом развале, верхней части южного склона сопки. С самкой находился один 1,5-месячный щенок, недалеко лежали останки оленя. В 500—600 м наблюдали ещё одного взрослого зверя, видимо, самца. Стационарным можно считать обустроенное логово размножающийся росомахи в заброшенном ангаре бывшего аэродрома, которое они используют с 2005 г. Анггар находится в двух километрах к северу от научного стационара «Сомнительная». По наблюдениям, в апреле 2009 г. и 2011 г. самка росомахи благополучно вырастила в нём потомство. Как правило, у логова находят части тел взрослых животных и телят овцебыка и оленя. Здесь же отмечали и присутствие самца. В последние

Зимой на о. Врангеля росомаха часто пользуется остатками добычи волка
Фото О. Старовой

годы установлены ещё два репродуктивных участка, находившиеся на расстоянии 15 км друг от друга, в которых росомаха выводила потомство. Приведенные материалы свидетельствуют о достаточно хорошем показателе размножения росомах, что напрямую связано с состоянием кормовой базы хищника. Из опроса очевидцев и нашими наблюдениями за сравниваемыми хищниками на острове Врангеля напрашивается классический вывод, что сосуществование росомах и волка в норме носит устойчивый, сбалансированный характер, без подавления или вытеснения одного вида другим (Матюшкин, 1985). Ни волков, ни их следов ни разу не было отмечено в районе репродуктивного логова росомах.

Таким образом, в экстремальных природных условиях Арктического заповедника «Остров Врангеля» могут существовать относительно устойчивые группировки волка и росомахи. Основной питания этих хищников служат северные олени и овцебыки. В бесснежный период года в рацион добавляются лемминги, яйца белых гусей. Зарегистрированы случаи убийства этими хищниками песцов. Для своих выводковых логовищ волки используют удобные норы песцов, несколько расширяя их. Выводковые убежища росомахи устраивают преимущественно в уединенных местах, в снежных надувах среди крупнокаменистых глыб южной экспозиции и заброшенных строениях. Современные условия обитания наиболее благоприятными оказались для такого «нахлебника», как росомаха. Если в таежной зоне соотношение численности волка и росомахи обычно составляет 6:1, то для острова Врангеля 1:1. Арктические экосистемы, имеющие простую структуру, весьма чувствительны к изменениям внешней среды, которые могут привести к смещению баланса видов.

На падали могут собираться несколько росомах

Фото И. Шпиленок

Тайная жизнь росوماхи

В. КОЖЕЧКИН. По документальному фильму Рональда Тобиаса,
по России дополнено автором

Ее называют самым свирепым животным на Земле. Это росوماха. Последнее животное — легенда на Земле.

За многие века жизнь росوماхи обросла мифами, которые не всегда отражают ее сущность, но вызывают к ней неподдельный интерес. В легендах об этом звере правда настолько слилась с фантазией, что их подчас трудно отличить друг от друга. Далеко не всегда архаические представления о росوماхе являются лишь следствием предрассудков, страхов и невежества.

В Европе первое упоминание о росوماхе появилось 500 лет назад. О ней рассказывали как о чудовище с ненасытным аппетитом и невероятной силой. Ей приписывали неимоверную хитрость. Она считалась кровожадным властелином лесов и, по преданию, внушала ужас другим животным. Росوماху изображали коварным существом, более хитрым, чем лисица или койот, а её неуловимость стала поистине легендарной.

Поверхностное сходство росوماхи с небольшим медведем столь велико, что у коренных народов Скандинавии некогда бытовало поверье, будто росوماхи — это не выросшие до полных размеров детеныши бурой медведицы. Считалось, что медвежата остаются маленькими раз в несколько лет. «Маленьким медведем» называли росوماху не только скандинавы, но и эвенки Верхнеленя.

Для коренного населения Кольского полуострова (саамов) росوماха — плод дьявольской любви медведицы и барсука, воплощение нечистого духа. Для чукчей и эскимосов она — зверь таинственный, злой — некий северный демон. В древнерусском языке выражение «ходить росوماхой» означало

неряшливость в одежде и манерах поведения. И все же в народных представлениях чаще отражается уважение к росوماхе, чем страх перед ней.

Например, по-шведски росوماха значит «отважный». Скандинавские охотники пили кровь росوماхи, смешав с кипятком и медом, чтобы приобрести силу и отвагу этого зверя. В древней Скандинавии считалось, что человек, одетый в шкуру росوماхи, не может быть захвачен врагом, поскольку он унаследовал её таланты. Этот человек якобы всегда остается неутомленным и честолюбивым. Здесь росوماху почитали как решительного и бесстрашного воина. В многочисленных рассказах охотников и дровосеков упоминается, будто она способна отнять добычу даже у таких крупных хищников, как волк или медведь. В схватке с врагом росوماха либо одерживает победу, либо погибает. Отступление для нее невозможно. За это ее уважали и воинственные кочевые племена гуннов, жившие в Центральной Азии.

Религиозное поклонение росوماхе было распространено также у тюркских народов, населяющих горно-лесные районы юга Сибири (хакасов, тувинцев). Аборигены сибирского севера считали, что главный хозяин в тайге не медведь, а косматая росوماха. Ненцы, заселяющие Гыданский полуостров, на холмах, продуваемых ветрами, устанавливали вырезанные из плавняка скульптуры почитаемых животных, среди которых была росوماха. В Приенисейской тайге «лесные люди» кето называли росوماху священной и не охотились на нее.

На севере Томской и Тюменской областей, где живут селькупы, поклонение росوماхе было родовым. У селькупов существовали даже росوماши зимние праздники. Шаман накиды-

вал на спину шкуру росوماхи, на голову надевал берестяную шапочку, к которой привязывал череп животного. Дети на поясах и шее носили клыки и когти росوماхи.

Аналогичные обычаи существовали и у разных племен североамериканских индейцев, которые верили, что каждому человеку соответствует дух животного (тотем). В Северной Америке росوماха заняла не последнее место в пантеоне священных зверей. Для канадских индейцев росوماха — очень почитаемое животное, потому что она умна, сильна и независима. Её ценят также за бесстрашие, выносливость и магические способности. Племя инуитов и другие индейцы считают ее связующим звеном между материальным и духовным миром.

Индейцы блэкфут живут на границе между Канадой и Соединенными Штатами среди торжественного величия Скалистых гор — в дикой местности, которая считается страной росوماхи. В индейских сказках росوماха принимает облик женщины и отвлекает героя от его цели. Блэкфуты верят в сверхъестественное: «Мы верим, что все вещи имеют силу, — говорят они. — Горы, деревья, камни — все обладает силой. Мы верим, что и медведь, и росوماха, и бизон, и волк, и орел обладают силой, которую получают от солнца. И нам советуют остерегаться того, кто обладает силой, кого можно встретить, когда покидаешь стойбище, идешь, например, на охоту. Когда мы делаем стоянку и готовим мясо, духи приходят к нам в облике женщины, и мы знаем, что это — росوماха. Когда мы предлагаем ей мясо, она берет его двумя пальцами и бросает через плечо, и мы понимаем, что это росوماха. Мы берем лук и стрелы и начинаем в нее стрелять. Женщина-росوماха обращается в бегство — и мы знаем, что мы спасены. Если же этого не сделать, то женщина-росوماха соблазнит нас, и тогда с нами может случиться всякое».

И вот уже несколько веков охотники-трапперы, пионеры и индейцы рассказывают о росوماхе, как о звере настолько свирепом, что даже медведь-гризли уступает ей свою добычу. Они рассказывают, что видели росوماху весом едва ли не 15 кг, которые заставляли койотов, волков, горных львов и медведей бросать свою добычу. Мощные челюсти этого зверя, по преданиям, перемаывают кости. Росوماха так коварна, что ни одно существо не может находиться рядом с ней. До сих пор у последних потомков трапперов — охотников на пушных зверей, заготовителей мехов, которые десятилетиями живут зимой в недоступных районах, росوماха вызывает трепет и уважение.

Вот она какая — росوماха

Фото R. Tobias

Выставка охотничьих трофеев Костромской области

В Костроме с 16 мая по 8 июня 2014 года проходила выставка охотничьих трофеев и таксидермических изделий. Она явилась знаменательным событием в культурной жизни Костромского края. Организаторами ее выступили Департамент природных ресурсов и охраны окружающей среды Костромской области, ОГБУК «Музей природы Костромской области» и ОГБУ «Костромское государственное опытное охотничье хозяйство».

Выставку открыл губернатор Костромской области Сергей Константинович Ситников, его выступление было тепло встречено многочисленной аудиторией, собравшейся в просторном зале.

Выставка размещалась в Музее природы Костромской области. Ее открытию предшествовала длительная и кропотливая подготовка. Экспонаты выбирали по результатам конкурса, на который принимали добытые в разное время трофеи и таксидермические изделия от охотников Костромской области. Экспертная комиссия рассмотрела 48 трофеев и 21 таксидермическое изделие. Наиболее популярные изделия: череп медведя, череп волка, голова кабана, голова лося, рога лося, клыки кабана, шкура медведя, шкура волка, шкура рыси, чучела зверей и птиц, а также художественные композиции.

В подготовке и организации выставки принимал активное участие заместитель председателя Костромского областного общества охотников Валерий Иванович Новиков. Работой комиссии по оценке качества охотничьих трофеев руководил эксперт республиканской категории Владимир Александрович Останин, который внес весомый вклад в организацию и проведение выставки.

Один из победителей конкурсной выставки — Виктор Николаевич Прихожев — был отмечен в разных номинациях, он не только охотник с полувековым стажем, но и прекрасный таксидермист. Его художественная композиция «Кресло из рогов лося» завораживает посетителей неповторимой красотой.

На церемонии открытия выставки были объявлены победители конкурса охотничьих трофеев и таксидермических изделий. Всего было вручено 60 медалей в 13 номинациях. Причем большинство из медалей золотые и серебряные. По мнению членов жюри, качество трофеев и изделий находится на достаточно высоком уровне, что свидетельствует не только о высоком мастерстве таксидермистов,

но и то, что в Костромской области эффективно ведется охотничье хозяйство.

16 мая 2014 года состоялось награждение победителей конкурса. Из рук губернатора С. К. Ситникова золотые медали и звание «Чемпион выставки» получили обладатели охотничьих трофеев: «Клыки кабана» и «Череп медведя» — Владимир Ершов; «Рога лося» — Музей природы Костромской области; «Череп рыси» — Анатолий Любимов; «Череп волка» — Олег Карпов; «Шкура рыси» — Виктор Прихожев; «Шкура медведя» — Михаил Друскин.

Несколькими медалями награждена Лариса Васильевна Глушенко — единственная женщина-охотник, представившая на выставку экспонаты, среди которых: шкура волка, клыки кабана, рога лося.

По мнению начальника охотуправления департамента природных ресурсов и охраны окружающей среды Костромской области Сергея Михайловича Простова, на основе трофеев ученые-биологи могут провести исследования животного мира, выявить тенденции, которые сейчас есть в природе нашего края. Стоит также подчеркнуть, что охотничьи трофеи — достояние Костромской области, которыми мы вправе гордиться.

В.А. Останин отметил, что трофеи, добытые на территории Костромской области, свидетельствуют о хорошей экологической обстановке в регионе.

Константин Сергеевич Ситников — директор областного музея природы — справедливо отметил, что хороший трофей невозможно добыть там, где не ведутся на научной основе биотехнические мероприятия. Выставка охотничьих трофеев демонстрирует, что должный уровень данных мероприятий в Костромской области обеспечивается.

После завершения выставки

Открытие выставки губернатором Костромской обл. С. К. Ситниковым

были подведены итоги. Отмечено, что выставка является знаменательным событием в культурной жизни Костромской области и способствует правильному ведению трофейной охоты, мотивирует совершенствование мастерства таксидермистов. Было решено проводить подобные выставки регулярно.

Следующая выставка состоится не через двенадцать лет, как ее предшественница. Руководители департамента природных ресурсов отметили, что выставку планируют провести в 2015 г. в расширенном варианте, чтобы рассмотреть не только трофеи, таксидермические изделия, но и другие достижения охотничьих хозяйств.

В заключении отметим, что выставку посетили гости Костромы, прибывшие из других регионов России, и с интересом познакомились с ее экспонатами.

В. СЕКОВАНОВ

Победителями в области таксидермии стали следующие мастера или владельцы (Романенко Н. И., Гумеров Ф. Ф.) таксидермических изделий:

Ф.И.О.	Номинация	Место	
Березин А.В.	Млекопитающие	1	Енотовидная собака
Романенко Н.И.	Птицы	1	Фазан
Березин А.В.	Птицы	2	Селезень
Березин А.В.	Птицы	3	Турухтан
Березин А.В.	Рыбы	1	Голова щуки
Березин А.В.	Рыбы	2	Голова сома
Скворцов Е.И.	Композиция	1	Выдра с окунем
Прихожев В.Н.	Композиция	2	Рысь с глухарем
Харитонов Е.Б.	Композиция	2	Куница с горностаем
Гумеров Ф.Ф.	Головы	1	Голова архара
Рыженков А.Л.	Головы	2	Голова лося
Рыженков А.Л.	Головы	3	Голова кабана

В. И. Новиков

Глухари

В. А. Останин

Создатель композиции «Кресло из рогов лося»
В. Н. Прихожев

Заместитель губернатора Костромской области
А. В. Смирнов вручает Л. В. Глуценко медаль и диплом

С. М. Простов вручает медаль
и диплом В. Н. Прихожеву

В зале на экспозиции

Птичьи базары Новой Земли

Н. ВЕХОВ, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник.
Фото Н. Мизина

Птичьи базары — гнездовые колонии, образуемые на скалистых участках в прибрежной зоне островов и материковой суши в самых разных районах Земли. В северном полушарии самые крупные по размерам колонии морских птиц находятся на баренцевоморском берегу Южного и Северного островов архипелага Новая Земля, на границе Баренцева и Карского морей. Ничего подобного более нет нигде в арктической части Евразии, да и в Северной Америке. Новоземельские птичьи базары, а их тут известно больше 50, обязаны своим существованием не столько своеобразной морфологии островной суши — обилию многочисленных шхер, губ и заливов, островов с обрывающимися прямо в море скалами (такие участки побережий есть и в других районах Арктики), сколько ветвям течения Гольфстрим, которые, упираясь в Новую Землю, доносят сюда из Атлантики подогретые тёплые воды, а с ними — и биогены. Не имеет себе равных и ши-

ротная протяжённость береговой зоны, где сосредоточены эти «общественные» гнездовые колонии — от самой южной точки Новой Земли (от мыса Меншикова на Южном острове) до самой северной точки, до Оранских островов (Северный остров), примерно 800 с лишним километров. Ещё в первой половине прошлого века на гнездовьях собиралось до 2—2,5 млн. особей птиц. Это стало известно после того, как в XX в. в разных районах Новой Земли побывали путешественники.

Любопытна сама история открытия этих уникальных гнездовых колоний. Их обнаружили в последнем десятилетии ещё XVI в. возвращавшиеся после зимовки на Новой Земле голландские мореплаватели из состава третьей экспедиции Виллема Баренца. Гнездящиеся на базарах полярного архипелага птицы и их яйца в буквальном смысле спасли от голодной смерти измученных долгой зимовкой и болезнями, непривычных к плаваниям в высоких широтах Арктики с их

экстремальными условиями, европейских путешественников. Голландцы собирали яйца на птичьих базарах, благо попали сюда в начальный период гнездового сезона, когда яйца были ещё съедобны, и сбивали с уступов и карнизов камнями птиц, варили и ели их.

Первый, увиденный европейцами птичий базар в арктических широтах, голландцы встретили в июне 1597 г. на мысе Островном (видимо, современный мыс Константина на северо-восточном берегу Северного острова архипелага), одном из нескольких, известных в этом районе Карского моря. Мореплаватели оказались поблизости именно в тот период, когда птицы уже сидели на яйцах. «14 июня мы вчетвером отправились на берег разведать положение и принесли четырёх птиц, сбитых нами камнями с утёсов». Двумя неделями позже, обогнув мыс Желания, голландцы уже были у баренцевоморского берега архипелага, где на льдинах близ м. Нас-

Птичий базар на Малом Оранском острове

сау они увидели множество сидевших птиц, слетевших туда с ближайшего базара.

Через месяц, добравшись до мыса Бритвин на Южном острове, голландцы «около полудня увидели утёс, усеянный птицами. Направив к нему лодки, мы вышли и, бросая камни, заполучили 22 птицы и 15 яиц, которые один из наших снял с утёса. Если бы захотели пробить здесь дольше, то могли бы забрать одну или две сотни птиц». Проплыв чуть дальше, «мы опять попали к какому-то мысу. Здесь мы добыли около 125 птиц, сидевших в гнёздах, или руками, или бросая в них камни так, что птицы падали с высоты в воду. Надо думать, что они никогда не видали людей и никто не пытался их ловить (иначе бы они улетели), и они боялись только песцов и других диких животных; последние не могли забраться на очень высокие и отвесные утёсы, и поэтому птицы устроили себе там гнёзда и были спокойны, что никто туда не залезет. Каждая из птиц имела всего одно яйцо, положенное на голом утёсе без всякой подстилки или другого тому подобного; это удивительно, как могли они при таком холоде высиживать яйца. Нужно думать, что они несут лишь одно яйцо, чтобы теплота, которую они сообщают высиживанием, была сильнее и сосредоточивалась на одном яйце, к которому она проникает целиком, а между многими яйцами теплота была бы разделена. Мы нашли тут также много яиц, но по большей части тухлых». Птичий базар, который наблюдали голландские мореплаватели, — это один из самых крупных на Новой Земле в Пуховом заливе, описанный лишь в 1920—1940-х гг.

Долгое время, после своего «открытия» европейцами, птичьи базары Новой Земли были известны только как источники добычи сотен тысяч яиц, которые почти ежегодно собирали приезжающие сюда норвежские и русские зверобои и продававшие затем это сырьё парфюмерным фирмам.

В 1910—1911 гг. полярный исследователь В.А. Русанов, побывавший на Новой Земле, обнаружил ещё ряд других птичьих колоний морских птиц на береговых скалах и утёсах и заметил, что они встречаются только на западе Новой Земли. Он писал, когда «время от времени туман слегка приподнимался над морем» с двигавшегося на север архипелага, к полуострову Адмиралтейства (Северный остров), «с востока нам открывался на мгновение угрюмый обрывистый берег. Когда лодка подошла близко к нему, мы видели в каждой расщелине нависших над водой скал, белые и неподвижные силуэты птиц. Здесь живут и гнездятся тысячи-тысяч пингвинов (кайр. — **Н. Вехов**) и чаек. Но пелена опускалась, и всё исчезало из глаз. Только ключья тумана бежали за лодкой, цепляясь за волны, рвались и свивались друг с другом».

Кайры и миевки

Севернее, между полуостровом Адмиралтейства и Машигиной губой, значительная часть береговой суши тоже занята колониями гнездящихся птиц, где «базары почти непрерывно тянутся вдоль всего этого берега» не один десяток километров. Такая же картина наблюдалась и далее: «[севернее залива Норденшельда] по соседству, на ближайшей скале находилась шумный птичий базар: там гнездились небольшие сизые чайки (миевки. — **Н. Вехов**), по-видимому, очень недовольные неожиданным визитом. Далеко был слышен их отчаянный протестующий крик».

Экспедиция дала весьма точное описание обнаруженных прибрежных колоний морских птиц. Днём позже с судна наблюдали «птичьи базары с преобладанием гагарок (так на Севере называют кайр. — **Н. Вехов**). Там, где подводные скалы не мешали подойти к берегу, приставали. <...> В большинстве случаев птичьи базары ютятся на скалах, нависших над морем, поэтому всё гуано пропадает в волнах. В заливе Вилькицкого, наоборот, всё гуано скапливается на суше, благодаря тому, что скала, обитаемая птицами, удалена от моря. Доступ к подножию скалы и наваленному здесь гуано лёгок, так как у скалы протекает глубокая «Зелёная речка» — подъездной на лодках и бери драгоценное удобрение». Энтузиасты освоения природных ресурсов Русского Севера не раз высказывали идею использования скапливающегося под базарами органики, в частности, гуано, в качестве естественных удобрений для повышения продуктивности естественно бедных почв региона.

Кроме поселений миевок и кайр на скалах, В. А. Русанов нашёл гнездовые колонии глупышей, весьма редких на Новой Земле птиц: в заливе Кривошеина «на высокой отвесной

скале «базар» глупышей. Гнёзда глупышей на Новой Земле редки». Ему же принадлежат и первые наблюдения за колониальными птицами. Так, он писал, что глупыш — «замечательный летун; неслышно скользит он над волнами, задевая их часто своими серыми крыльями. Иногда садится на воду и плавает, но никогда не ходит по земле. Устраивая гнёзда на отвесных скалах, глупыши, чтобы полететь, бросаются вниз со скалы с распростёртыми крыльями».

На южном берегу Архангельской губы участники экспедиции обнаружили колонии гагарок (кайр), люриков и разных видов чаек. «Море лениво шумит. Кругом громоздятся одна под другой, одна выше другой, дикие страшные скалы. Снизу они изъедены волнами, сверху расщеплены морозами. На скалах в каждой расщелине, на каждом выступе ютятся птицы: весёлые быстрокрылые люрики, большие, вытянувшиеся стоймя гагарки. На горных вершинах недвижно сидят белые совы. В воздухе с пронзительными криками кружатся чайки (морская чайка, бургомистр и глупыш. — **Н. Вехов**)». Некоторые районы архипелага, где столетие назад В.А. Русанов открыл гигантские по протяжённости птичьи базары, до сих пор поражают своим видом всех, кто видел их, циклопическими размерами гнездовой обосновавшихся тут птиц. Так, например, «начиная от бухты Жан, километров на 10 к северу, вдоль берега тянутся птичьи базары, на которых живут тысячи люриков, гагарок и чаек». Десять километров непрерывных колоний птиц! Такое представить себе очень трудно, да, если ещё учесть, что гнёзда располагаются не в один ряд, а многими рядами, друг над другом, на обрывах высоких скал (высота не менее 20—30 м). Вид со стороны такой, что напоминает полки-стеллажи в игровой дет-

Толстоклювые кайры

ской комнате, уставленные чёрно-белыми фарфоровыми фигурками солдатиков, — птицами.

15 августа 1911 г., когда судно «Дмитрий Солунский» экспедиции Русанова подошло к самой северной точке Новой Земли, к Большим Оранским островам, путешественникам открылась величественная картина: «Высокие обрывистые берега отвесными стенами спускаются в море и издали, по крайней мере, острова эти представляются совершенно недоступными. Поверхность островов плоская, как бы срезанная». И тут приютилось несколько гнездовых колоний моевок, кайр, чистиков и бургомистров.

В.А. Русанов стал одним из первых исследователей, кто увидел на Новой Земле орнитогенные группировки наземной растительности, само существование которых не было бы возможно без огромной массы селящихся на приморских скалах птиц. «Благодаря гуано, подножье скалы покрыто пышной для Новой Земли и ярко-зелёной растительностью».

Самые крупные гнездовые колонии на Новой Земле были открыты в 1870-х гг. участниками английской экспедиции на судне «Исбьорн». Вот как описывает их А. Маркгам: «Холмы от 800 до 1500 футов высоты окаймляли залив с трёх сторон, оставляя открытым вход с запада. Эти холмы, спускаясь к воде, оканчивались внезапными отвесными песчаниковыми утёсами, футов 100 высоты. Действием мороза и непогод образовались узкие выступы на поверхности этих скал. Эти выступы были усеяны мириадами кайр, скучившихся так густо, что благодаря контрасту их белых и чёрных перьев поверхность утёсов казалась посыпанной «перцем с солью». Тогда ещё никто не знал, что это — вообще самый крупный птичий базар во всём Северном полушарии.

В 1923 г. тут побывал Р.Л. Самой-

лович, возглавлявший экспедицию вокруг Новой Земли. Вот строки из его отчёта: «Птичий базар в губе Безымянной — самый большой из виденных мной на Новой Земле. Начинаясь непосредственно за длинной косою, у южного берега губы, он тянется по тому же берегу на пространстве около 7 километров. Берег здесь обрывистый, уступом возвышается на 50 метров над уровнем моря, поднимаясь выше террасами, и достигает в наивысшей точке 270 метров над уровнем моря. Птицы, по преимуществу кайры, густыми массами заполняют уступы скалистого берега, занимая сплошь пространство на высоте 15—20 метров над уровнем моря и остав-

ляя свободными 2—3 метра до края первой террасы. Они находятся в постоянном движении. Над берегом стоит не прекращающийся шум и гам».

Расположены эти уникальные птичьи базары на Южном острове — к северу от губы Безымянной (Северные Безымянные базары), на южном берегу губы (Южные Безымянные базары) и о. Кутовом. Побывавшие в Безымянной губе исследователи, уже после Р.Л. Самойловича, уточнили сведения о протяжённости птичьих базаров этого района Новой Земли. Так, по более поздним сведениям, Северные Безымянные базары (толстоклювая и тонкоклювая кайры, моевка, тупик) протянулись аж на 12 километров, а Южные Безымянные (тонкоклювая кайра, моевка) — на 11 км. Можно себе представить грандиозность открывавшейся перед первыми, увидевшими их, путешественниками картины чудес арктической природы, где на километры тянутся береговые обрывы с несколькими рядами этажей-карнизов, сплошь заселённых птицами. А, учитывая, что тут в разные годы гнезилось от 400 тыс. до 1 млн. 600 тыс. особей только одной самой крикливой базарной птицы — кайры, то можно себе представить, какой гвалт, другое подходящее сравнение даже трудно подобрать этому уникальному «симфоническому оркестру», тут творится. Неудивительно поэтому и вся красочность картины, описанной выше Р.Л. Самойловичем.

Всё население птичьего базара в губе Безымянной находится под неусыпным контролем двухсот с лишним буревестников, гнездящихся вдоль самого верхнего уровня гигантской колонии, наводящими своими полётами над обрывами ужас на кайр и моевок.

Тупик

Издали птичий базар с кайрами похож на огромное общежитие, где, кажется, все его обитатели живут по строгому закону. Но на самом деле всё это обманчиво. Близкое знакомство разочаровывает любого, кто пожелает близко познакомиться с жизнью «базарных» птиц. Увы, идилической картины не получается. Вот какое мнение сложилось от знакомства с десятками базаров у Г.П. Горбунова: «Грязь на базаре невообразимая. Всё кругом загажено, валяются брошенные и разбитые яйца и дохлые птенцы. Сами птицы часто перепачканы в испражнениях. Птенцы иной раз представляют из себя какой-то комок грязи. Теснота и бестолочь такая, как на самом скверном базаре, в настоящем смысле этого слова. В каждый уголок или щёлочку уткнулись по два, по три птенца, кругом прилетают, или улетают, или бегают взрослые птицы. Другие сидят на одном месте и неистово кричат. Сидит пара друг перед другом, вертит головой и попеременно услаждают слух нутужным хрипением «арра», «арра». Проползёшь по такому базару и вылезаешь, как из помойной ямы, оглушённый, грязный, вонючий».

Установлен интересный факт из жизни птиц на базарах: все подобные гнездовые колонии имеют так называемое «ядро», своеобразный центр, откуда они начали формироваться. Определить «ядро» базара можно по обилию и удобству карнизов на обрывах и обилию устроившихся тут на гнездовья птиц. Птицы размножаются и занимают для новых гнёзд свободные площадки, а когда уже каждый более или менее удобный уголок занят, приходится не без ожесточённых битв искать себе место на других обрывах. «Ядро» — старейший обрыв, заселено невероятно густо, тогда как соседние, «вспомогательные» обрывы, или «филиалы», пока ещё используются птицами меньше, и тут ещё не все места заняты. Птицы здесь на первый взгляд не стремятся гнездиться плотными поселениями, и ведут себя более вольготно, селясь подальше друг от друга.

На Мало-Кармакульском птичьём базаре, например, его «ядро» находится на острове Базарном (Кувшине) с почти отвесными обрывами, спускающимися в море и буквально облепленными птицами. На его «крыше» — на выположенной вершине, небольшой слой почвы с обильной, видимо, орнитофильной растительностью. У этого базара имеется четыре «филиала», четыре новых растущих колонии, занимающих скалы и обрывы берегов и островов, удалённых на километр или два от острова Базарного, где поселения птиц заметно отличаются от центрального поселения, от «ядра». Так, в «филиалах» нет кайры и бургомистра, который обосновался на гнездовьях лишь в самой старой части колонии на острове Базарном.

Не менее впечатляющая картина разворачивается перед глазами путе-

шественников в заливе Пуховом, где на острове Пуховом расположено ещё одно гигантское поселение морских птиц. Двухкилометровый по длине остров перегораживает вход в залив со стороны моря, откуда сюда направляются на гнездовья птицы. Отделившиеся от главной части базара «филиалы» находятся на ближайших мысах залива, на расстоянии 1—2 км от «ядра». «Ядро» базара — остров Пуховой, где горизонтально выступающие слои выветренного сланца заселены птицами, причём каждая из пластин сланца лежит свободно и легко выдёргивается, а в таких условиях птицам сложно найти твёрдую точку опоры. Выпадение одного камня на-

гается форменная паника. Моевки с пронзительными криками носятся вокруг появившегося хищника, стараясь его отогнать, кайры вытягиваются и свирепо приветствуют его сердитым «кгээ», и только топорики (тупики). — **Н. Вехов** спокойны за свои спрятанные гнёзда.

Бургомистр гнездится над самым верхним карнизом с кайрами, среди растительности. Он придерживается базара только ради ограбления. Благодаря своей величине, силе и прожорливости, бургомистр играет на Новой Земле ту же роль, как в лесной области ястреб-тетеревятник. Рыбу он ловить избегает, а старается промышлить себе еды за чужой счёт. Ему годится любая

Моевки на гнезде

рушает часто равновесие соседних, и начинается обвал, часть базара гибнет.

Наблюдения многих путешественников и зоологов за птичьими базарами показывают, что гнездовые колонии не только могут разрастаться за счёт «открытия своих филиалов», но и, к сожалению, угасать. И подобное явление, видимо, естественный процесс. Причинами гибели базаров могут быть ежегодно происходящие разрушения и осыпания гнездовых карнизов, сложенных, к примеру, рыхлыми горными породами — выветрившимися сланцами.

Помимо этих мирных общественных птиц, устраивающих шумные гнездовые колонии, базар притягивает и редких «индивидуалистов», каждая семья которых живёт на почтительном расстоянии друг от друга. Таковым, например, является бургомистр. Все обитатели базара питают к бургомистру дикую ненависть. При его приближении к гнездовым колониям поднимается страшный крик — истошно вопят взрослые птицы и птенцы, начи-

животная пища: на базаре бургомистр таскает яйца, птенцов и ловит взрослых птиц, а на море — отнимает рыбу у других морских птиц. В те давние времена, когда на Новой Земле промышляли рыбаки и зверобои, стоило промышленнику оставить на берегу тушу ободранного зверя, как бургомистр тут как тут и старается оторвать себе кусочек. Любимым его занятием является ограбление гольцовых сетей. Он целыми днями сидит над сетью на ближайшей скале и, как только заметит запутавшегося гольца, спускается на воду и старается его вытащить. Чаще всего он отрывает гольцу голову, и исковерканная рыба падает на дно. Интересно, что при этом он никогда не путается в сетях, тогда как такие прекрасные пловцы, как морянки, гаги и гагары постоянно в них попадают.

Один из немногих путешественников, кто облазил большинство птичьих базаров Новой Земли, Г.П. Горбунов был свидетелем следующей сцены. На верхней террасе базара, на краю почвенного слоя, сидел молодой бургомистр. Пытаясь добыть его для зоо-

логической коллекции, путешественник выстрелом убил птицу наповал, но при этом дробь захватила террасу, где сидели кайры с птенцами, и несколько взрослых кайр и птенцов было ранено и убито; бургомистр же свалился на террасу среди мёртвых и живых кайр. Пока Г.П. Горбунов добежал до хищника, птица была уже буквально облеплена кайрами, которые щипали бургомистра и теребили со всех сторон. Они делали это с такой яростью, что не обратили на человека никакого внимания и разлетелись только тогда, когда он наклонился и взял бургомистра в руки.

Бургомистры на Новой Земле по повадкам чрезвычайно непохожи на бургомистров из других районов Арктики, например, Мурман, где тоже есть птичьи базары. В отличие от «молчаливых» сородичей с Мурман, бургомистр на Новой Земле встречает человека издали и с яростными криками набрасывается на него. В защите птенца принимают участие и самец, и самка. Обычно они широкими кругами, высоко, вне выстрела носятся над охотником, и один из них, преимущественно самка, время от времени бросается вниз и над самой головой человека с криком круто взмывает вверх. Нападение бургомистр совершает молча и всегда со спины; если при этом повернуться к нему лицом, то он изменит направление и улетает в сторону. Когда их птенцы подрастают и начинают хорошо летать, бургомистры собираются в небольшие стайки, и тогда в защите птенцов принимают участие взрослые птицы, селившиеся у одного базара. Если одна из чаек будет убита, остальные с криком кружатся на большей высоте над ней, и постепенно количество их всё увеличивается от прибывающих новых и новых чаек. Г.П. Горбунов наблюдал, как бургомистры летели к трупам их «товарищей» с Пухового острова на мыс Журавлёва, т.е. за два с лишним километра. На такое расстояние из-за шума моря крик бургомистра не доносится, и можно только удивляться замечательной остроте зрения этих птиц. На зиму бургомистр не улетает далеко, а откочёвывает к ближайшим к архипелагу полыньям открытой воды.

До сих пор самым загадочным обитателем птичьих базаров остаётся тупик. Он гнездится на Оранских островах, в губах Грибовой и Архангельской, на полуострове Карпинского и в заливе Пуховом. Возможно, многие аспекты жизни тупиков на Новой Земле являются таинственными из-за их крайней малочисленности и чрезвычайной осторожности. Приближающуюся к базару лодку тупики встречают всегда очень далеко, и определить, откуда они слетали, порой часто невозможно. На обрывы они в присутствии человека никогда не садятся. На базаре острова Пухового тупик живёт на совершенно отвесном обрыве, в недоступном для человека месте. Гнёзда

Кайры

устраивает в глубоких щелях, в нескольких метрах от верхнего края обрыва. Г.П. Горбунов потратил немало времени, наблюдая за новоземельскими тупиками. В один из таких дней он «лежал неподвижно около часа, чтобы увидеть, как топорик подлетал к такой щели, залезал в неё, и при первой моей попытке встать, сейчас же выскочил оттуда и улетел в море. Держались они чрезвычайно обособленно от остальных птиц и даже при полётах над морем следовали другими путями». Г.П. Горбунов считает тупика врагом кайр, у которых он ворует яйца, и на чьих гнёздах разбойничает.

Помимо бургомистров, птичьи базары архипелага, и в первую очередь, кайриные, «кормят» популяции других хищников — полярной совы, сокола сапсана и песца.

Полярная сова проводит на базаре большую часть дня, причём такую крупную гнездовую колонию, как базар острова Пухового, могут посещать одновременно две совы, а на «маленьком» — кормится всего одна птица. По образному выражению Г.П. Горбунова «без совы базара не бывает, во всяком случае, я таких базаров не встречал». Этот хищник обычно занимает самый высокий пункт острова или мыса и оттуда внимательно контролирует весь базар. Однако никто, даже Г.П. Горбунов, который буквально «жил» на базарах, так и не подсмотрел, как охотится на гнездовых колониях морских птиц полярная сова. Он даже предполагал, что «подсмотреть» как наяву происходит ловля морских колониальных птиц совами в местах массовых гнездовий на Новой Земле, вообще сложно из-за крайней осторожности последних.

Другой хищник, посещающий птичьи базары, — сапсан, появляется

здесь нерегулярно и долгих остановок не делает. Ловит он, как и везде, только летящую птицу. Попав на арену охоты, на базар, сапсан берёт всё, что оказывается близко к нему — и кайр, и других «местных обитателей», включая даже большого бургомистра, который почти в два раза больше сокола.

«Услугами» птичьих базаров на Новой Земле пользуются песец и белый медведь. Песец может разбойничать только на базарах на небольших островах, если он, конечно, не успел ещё по льду весной перебраться на более крупную сушу. Обычно на таких островах только базары могут прокормить пищи для него тут нет. И здесь он пользуется как яйцами, так и птенцами кайр, гнездящихся на верхних террасах, так и выводками бургомистров. На крупных же базарах, как и белый медведь, он больше падальщик, санитар, подбирающий с суши под колониями всё, что оттуда падает. Здесь его пищевые ресурсы практически не ограничены.

Интересен такой вопрос, а может ли прокормить скудное по запасам органического вещества арктическое море подобную птичью ораву, которая селится на гнездовых на Новой Земле? Подсчитано, население этих птичьих базаров за сезон выедает примерно 72 тыс. тонн рыбы, преимущественно сайки, что в 1960-х гг. было сопоставимо с промыслом сайки в Западной Арктике. Эти факты расходятся с установившимся мнением о скудности запасов пищи в арктических морях. Попробуем разобраться в этой проблеме. Оказалось, что птичьи базары и окружающая их морская акватория — это две самоподпитывающиеся биологические системы. С базаров вся «органика» — экскременты (а только их в море у базаров попадает около 10 тыс. тонн), яйца и мёртвые птенцы, в конечном счёте падает в море. В море этот «дождь» органики, проходя всю толщу, оседает на дне, захоранивается в донных отложениях или же сразу вводится в круговорот веществ, образуемый во время подъёма вод. Включаясь в круговорот органики в море близ островов, биогенные вещества входят в пищевые цепи, вызывая вспышку бактерий, фито- и зоопланктона, рыбы, т.е. кормовых объектов всех уровней; они же, в свою очередь, служат пищей всему населению птичьих базаров.

На протяжении столетий, вплоть до середины XX в., птичьи базары были одними из самых эксплуатируемых природных ресурсов в Арктике, откуда промысловыми вывозили и птиц, и яйца. Реальные объёмы их изъятия трудно себе представить, поскольку точной статистики добычи этих объектов промысла до 1920-х гг. не было. Из немногочисленных публикаций этого исторического периода известно, например, что только одно норвежское судно, вернувшееся в 1920 г. в Вардэ с новоземельских промыслов, имело на

борту 14 тыс. яиц. Не меньшие объёмы добычи вывозили с архипелага и отечественные промысловики. По поддержке из отчёта Архангельской губернской администрации, в тот же год на Новую Землю прибыла частная артель «гр-на Корносова со своим парусным судном для сбора яиц гагарки». На Малых Кармакульских о-вах ею было собрано 50 тыс. яиц. В 1930-х гг. объёмы сбора и вывоза яиц с Новой Земли стали ещё большими. Приведу только два примера. В период летней навигации 1932 г. промысловым судном «Нерпа», отправленным на Новую Землю в экспедицию по сбору яиц на крупных птичьих базарах баренцевоморского побережья в губах Безымянная и Белушья и заливе Вилькицкого было собрано 200 тыс. яиц кайры. В 1935 г., по данным, опубликованным в «Бюллетене Арктическо-

го института», всего лишь одна промысловая экспедиция — «карская зверобойная экспедиция Арктического института на ледокольном пароходе «Малыгин» в июле посетила Оранские острова с целью определения запасов морского зверя, а в июне другое судно осуществляло сбор кайровых яиц на базарах Кувшин, Пуховой, Безымянный и Вилькицкого (всего собрано 300 тыс. яиц)». А таких промысловых норвежских и русских шхун сюда приходили десятки. Так что суммарные объёмы вывоза яиц с птичьих базаров могли составлять астрономические цифры.

Хотя главными местами сбора яиц на архипелаге были базары западного берега Южного острова, «в заливе Пуховом и губе Безымянной», где «промысел продолжается приблизительно до середины июля», промыс-

ловые артели и суда собирали яйца со всех других колоний, начиная от самой южной оконечности до крайней северной точки Новой Земли. Уже в тот период для контроля за состоянием птичьих базаров в районы промыслов отправлялись специальные орнитологические отряды из состава новоземельской научно-промысловой экспедиции. Итогом их работы стал один, существенный для состояния популяций колониальных птиц, вывод: прирост их потомства не может покрыть убыль в результате заготовки яиц. Так что, эксплуатация птичьих базаров теми темпами, что велась на архипелаге промысловиками, могла стать одной из основных причин постепенного снижения численности популяций колониальных птиц, тенденция которого наметилась с 1940-х гг. и особенно стала заметной в 1990-х гг.

«Вспотевшие» тигры в загоне

М. КАЛИНИН, кандидат биологических наук,
заслуженный работник охотничьего хозяйства России

В свое время Виталий Бианки и Алексей Ливеровский написали бичущий памфлет «Вспотевшие тигры», где обличали шустрых борзописцев, писавших, что тигры от страха и ярости потеют. С тех пор это образное выражение стало, подобно «голубому песцу на ветке» или «развесистой клюкве», общепотребительным. В наше время многие авторы почему-то стали называть облавную охоту «загонной», что совершенно неверно и вступает в полное противоречие с исторической правдой. Само понятие «загонная охота» произошло от слова «загон».

Загонная охота, если ее можно назвать охотой, проводилась следующим образом. На специальной трибуне, гарантирующей полную безопасность участников, с комфортом располагались нимфроды, а из загона порциями выгоняли разнообразных зверей. Чтобы обеспечить максимально удобную стрельбу, движение зверей направлялось стенками, натянутыми полотнищами и другими препятствиями. Загонная охота во всех подробностях запечатлена на картине испанского художника Хуана Баутисты дель Масо, зятя великого Веласкеса, «Охота в Табладильо».

Загонная охота широко практиковалась в Европе. Была и в России. В императорском Лисинском охотничьем хозяйстве (Гатчинская охота) в районе кордона, который так и назывался «Зверинец», проводились загонные охоты. Так, 19 октября 1866 года на загонной охоте за полтора часа было отстреляно 2 буйвола, 7 кабанов, 21 косуля, 4 лани, 25 лисиц, 13 барсуков и 180 зайцев. Загонные охоты

из-за невысокого спортивного интереса, развития охотничьего оружия и повышения охотничьей культуры постепенно сходили на нет. Хотя некоторые элементы загонной охоты еще сохранялись в русских комплексах псовых охотах. Так, например, применялись полотна, направляющие ход зверя. В XX веке в России загонных охот уже не было. А в Соединенных Штатах Америки и сейчас практикуется стрельба по выбегающим из загона бизонам. Был даже кинофильм об этом. Анализируя отечественную охотничью литературу, мы встречаем упоминание о загонной охоте у Л.Г. Капланова. Он писал, что на р. Демьянке по глубокому снегу на лыжах охотились «самогоном», то есть загоняли зверя до полного его изнеможения. Понятно, что такая «загонная» охота ничего общего с массовыми коллективными охотами не имеет. Возможно, это выражение взяли поверхностные авторы оттуда, от Капланова.

Облавная охота — традиционное, национальное название таких охот. В своей классической книге «Охота на лося» Д.К. Нарышкин (1900) приводит список охот на лося: 1) охота на стон (на реву); 2) охота скрадыванием; 3) охота облавой (а вовсе не загонной!); 4) охота с собаками.

Не употребляли термин «загонная» и другие истинные знатоки: Л.П. Сабанеев (1892), Д.К. Соловьев (1929), Л.Г. Капланов (1935), А.А. Книзе (1935), Е.И. Иванов (1948), А.А. Ливеровский (1950), М.В. Калинин (2004) и многие, многие другие. К сожалению, нашелся человек, первым пустивший «вспотевшего тигра» в

загонную охоту. Дальше началось бездумное переписывание. В последние годы наша специальная охотничья литература в большинстве случаев компилятивна. Пора вернуться к традиционному названию этой массовой коллективной охоты на лося, назвав ее так, как она искони называлась, — «облавная охота на лося». Будем надеяться, что эта заметка изгонит «вспотевшего тигра» из лосиной охоты. Взять! Ату его!

Здравствуй, дорогая редакция! Журнал с удовольствием читаю вот уже 40 лет. Хочу поздравить своего сына-охотника с юбилеем, ему исполнилось 30 лет. Это будет лучшим для него подарком. Желаю сыну здоровья, семейного счастья и ясных зорь.

С уважением Сергей ТАИПОВ
Тульская обл., пос. Правда

Таипов Андрей Сергеевич с трофеем

Сибирская косуля — довольно распространенное и популярное в охотничьем мире животное. Рога взрослого самца на 4–7 году жизни — ценный трофей для охотника.

Наиболее известна облавная или коллективная охота на косулю. Наилучший вариант, когда в ней участвуют около десяти загонщиков и примерно столько же стрелков. Облавы проводятся по всем правилам загонной охоты. Стрелки стоят на номерах, стараясь получше замаскироваться, а загонщики двигаются на стрелковую линию с голосом.

На нашей охоте участвовали только два стрелка и пять загонщиков. Поэтому нам пришлось охотиться нагоном. При таком способе особенно важно знать места дневок косуль и их постоянных переходов. Нагоняли зверей на стрелков с учетом направления ветра. Достаточно косулям причуять охотников на номерах и они уже будут стараться проскочить через загонщиков обратно. Условием успеха на этой охоте являлась хорошая маскировка охотника, подходящий ветер и выдержка. Важно стоять или сидеть неподвижно, ведь косуля имеет хороший слух, чутье, а главное, обладает отличным зрением.

Стрелкам-охотникам необходимо было добыть именно трофейных самцов косули. А взрослые и старые самцы отличаются большой осторожностью. Поэтому на нашей охоте на стрелков в первую очередь выкашивали самки и молодежь косульего племени.

Стронутые звери старались пользоваться при передвижении зарослями, используя их как укрытия. Открытые участки, которые им не удавалось обойти, они проскакивали прыжками. И все же косули давали шанс охотникам, когда останавливались на несколько секунд перед преодолением поляны, поля, дороги или просеки. Дальше все зависело от меткости стрелка. Охотничий карабин давал возможность произвести только один прицельный выстрел. В случае промаха стрелять по бегущему испуганному зверю не реально. Но наша охота удалась, и за один день в осеннем лесу мы добыли двух отличных трофейных рогачей сибирской косули.

С. ТИШКЕВИЧ

Охота нагоном на сибирскую косулю

Белорусский гончак — национальная порода Белоруссии

С. ПШЕНИЧНИКОВ. Фото из архива В. Лазаренко

«Белорусский гончак» — это порода охотничьих собак, которая приобретает всё большую популярность в среде белорусских охотников и которая также вызывает вопросов, пожалуй, больше, чем ответов. Прежде всего, так и неясно до конца — она возрождается или создаётся? В среде экспертов охотничьего собаководства существуют две точки зрения — большинство считает, что собаки такой породы существовали на территории современной Республики Беларусь с далёких времён примерно до середины прошлого столетия, а в настоящее время происходит её восстановление, как пример восстановления одного из элементов самобытной национальной культуры белорусского народа. Но есть и другое мнение — мол, действительно, собаки такой породы раньше были широко распространены в среде простых белорусских охотников, но затем они совсем сошли на нет и были безвозвратно утеряны, не выдержав конкуренции с многочисленными, официально узаконенными породами гончих: англо-русскими, русскими, эстонскими, латвийскими и прочими. А в настоящее время просто происходит процесс создания новой «старой» породы собак, её перерождения из беспородной дворовой собаки в породистого пса. К сожалению, официальные чиновники от охоты заняли позу постороннего наблюдателя, этим процессом восстановления или создания породы не руководят, но и не мешают его активному развитию.

Энтузиасты, ценители и любители этой забытой породы взялись за её возрождение в 2003 году, отыскав достойную пару и фактически начав с неё. 8 августа 2011 года исполнилось 7 лет собакам первого планового помёта, 2 апреля 2011 года появились первые щенки с полной трехколенной родо-словной, а в настоящее время общее количество собак данной породы составляет около 4-х сотен. В июне 2008 года решением «Белорусского кинологического объединения» утверждён стандарт первой национальной породы «Белорусский гончак» и создана республиканская комиссия по ведению данной породы. Такова краткая и примерная история восстановления новой, старой породы. Вопрос о людях, стоящих у истоков всего этого процесса, заслуживает отдельного разговора. Поверьте, они его заслужили.

Особо необходимо отметить председателя этой комиссии — Владимира

Казимировича Лазаренко, который пригласил меня на третье испытание белорусского гончака по вольерному кабану. Упускать возможность увидеть собак данной породы в работе было нельзя, и я поехал в «Ершовку», в знакомые места и к знакомому егерю.

Поездка удалась — день оказался самым жарким и солнечным в марте месяце. Было представлено много собак, почти со всех регионов Беларуси, шустрая дикая свинка «Машка» охотно бегала и хорошо пряталась. Как звучит банальная истина — всё познаётся в сравнении, поэтому я постараюсь часто сравнивать положение дел в том или ином вопросе. Но прежде, чем приступить к самому ходу испытаний и их результатам, необходимо остановиться на двух моментах.

Во-первых, в мире существует очень много пород гончих. Все они работают по зверю практически одинаково — преследуют его с голосом. Охотник ориентируется на звуки погони и оказавшись в нужном месте в нужное время метко стреляет или горчительно мажет. Все породы гончих собак отличаются по внешнему виду, именно экстерьер позволяет отнести собаку к той или иной породе гончих. Внутри самой породы гончие отличаются по манере работать уже в зависимости от своих природных данных и навыков в обучении. У разных со-

бак разная вязкость, мастерство, злоба к зверю и прочее. Но есть породы гончих, которые отличаются от других пород не только внешним видом, но и манерой работы. Эти породы, как правило, специально создавались охотниками в ходе селекции. К примеру — бассет. Существует также несколько пород бассетов, но всех их объединяет похожий необычный внешний вид: крепкое тело на коротких ногах и манера работы. Созданы эти собаки для добора подранков, работы по кровяному следу. Поэтому они не способны гоняться с гончими наперегонки, то есть стремительно бегать, но приспособлены для хорошего причивания. Их голова расположена близко к земле из-за небольшого роста и все бассеты для успешной работы обязаны иметь превосходное чутьё. Ещё два примера — в буржуазной Эстонии в предвоенные годы была создана порода эстонских гончих высотой не более 45 см в холке (у кобелей) только потому, что на косуль в то время охотиться было нельзя. Но ведь гончие этого не понимали и, встретив их в лесу, начинали по ним работать. Эстонцы посчитали, что от собак небольшого размера урон для косуль будет меньше.

Особенности территории — отсутствие больших по площади лесных массивов, отразилось на породе латвийских гончих. Собаки данной по-

роды имеют особую манеру работы — они должны быть послушны и позывисты. Не обладая большой вязкостью, чтобы отработав в одном небольшом участке леса и дойдя до стрелковой линии, должны прекращать гон и с него сниматься, для перехода на другой небольшой участок.

Во-вторых, загонные охоты по кабану — это наиболее массовые и популярные виды охот в настоящее время в Республики Беларусь. Они проходят примерно по одной схеме: участники собираются у егеря, он выставляет из охотников стрелковую линию, на которую загонщики выгоняют кабанов. В каждой охоте различия происходят в зависимости от конкретных особенностей: времени года и погоды, количества участников, их состояния, их опыта и прочее. Но, на мой взгляд, решающим фактором является наличие хороших собак. Одно дело — когда истомившийся на номере от долгого ожидания стрелок услышит басовитый и настойчивый голос приближающегося гона — внутренне соберётся и подготовиться для меткого выстрела. И совсем иное дело, когда перед таким же истомившемся на стрелковой линии человеку с ружьём происходит яростная и азартная схватка собаки с кабаном. И звонкий лай то приблизится, то удалится, то застынет на одном месте, а то вдруг вообще смолкнет. В упрощённом варианте в первом случае в загоне по кабану работают гончие, а во втором случае — лайки. Повторюсь, это в упрощённом виде, современное поголовье лаек работает по кабану почти как гончие, обозначая его голосом. Но я твёрдо убеждён в том, что каждая конкретная лайка рано или поздно изменит свою работу и начнёт разгонять стаю кабанов, подбирать себе объект атаки по силам и будет пытаться его удерживать на месте, азартно атакуя, или даже будет пытаться задавить. Происхождение её к этому обязывает. Опыт участия в таких охотах, опыт в доборе подранков, да и такую манеру работы будет развивать в ней умный хозяин. Так будет, просто как скоро, это вопрос времени, ведь лайка — не гончая и преследование с голосом кабана для неё не типично.

Вот почему у породы белорусский гончак есть прекрасная перспектива в восстановлении — в нём есть потребность именно как в собаке для загонной охоты по копытным. На мой взгляд, именно собаки данной породы будут способны, спокойно и неотвязно работая с голосом по удаляющемуся копытному, выставлять его на стрелковую линию под меткий выстрел нашего изнывающего в терпеливом ожидании стрелка.

И очень хорошо, что примерно так же думают те самые люди — энтузиасты, которые и стояли у истоков восстановления породы: известный заводчик из Молодечно Лазаренко Владимир Каземирович и кандидат биологических наук, председатель совета Клуба породного охотничьего собако-

В настоящее время количество белорусских гончаков составляет около четырех сотен

Белорусский гончак, выжловка

На испытаниях по кабану

водства Ерохина Ирина Романовна. Я давно хотел узнать ответ на простой вопрос, а для чего они этим занимаются, почему они так возятся с этой породой собак. Ведь порода молодая, была почти утеряна, но люди охотились раньше и могли бы и дальше охотиться с гончими других пород, без гончака белорусского. И на этих испытаниях мне удалось получить ответ из разговора с каждым в отдельности. Если коротко, то для Лазаренко В.К. — это возвращение к первой любви, именно с собаками данной породы он и начинал охотиться в юности и всегда охотился и делает всё, чтобы так и было в дальнейшем. А для Ерохиной И.Р. — это один из элементов утраченной самобытности белорусской культуры, который ещё возможно возродить.

Приятно сознавать, что два этих разных человека слаженно работают в одном направлении. В настоящее время поголовье собак данной породы составляет около 400 особей. Уже 10 лет действует временный стандарт породы, что позволяет выработать единые требования по экстерьеру собак, и уже в третий раз проводятся испытания по проверке их рабочих качеств. Сейчас начинается наиболее важный момент — подбор племенного материала. Владимир Каземирович честно признался, что будут повышены требования к оценке по экстерьеру на выставках и, в перспективе, к рабочим качествам на испытаниях. В селекци-

онную работу должны допускаться достойные племенные представители. А вот теперь и начнём сравнивать.

Испытания проводились уже в третий раз, первый раз они проходили 22-го мая 2010 года в вольере под Молодечно. Участвовало 28 собак, из которых 6 представителей породы получили дипломы: три — второй степени и три — третьей степени. Это были: Буран владелец Ермаков В.К., Рогнеда владелец Лазаренко В.К., Рокот владелец Габис А.Э., Барон владелец Чабрицкий А.Р., Разбой владелец Нижник И.В., Рекс владелец Голощапенко С.

Вторые испытания белорусского гончака по кабану проводились в вольере Воложинского опытного лесхоза 1-го июня 2013 года. В них приняли участие 10 собак и было выдано 3 диплома: один — второй степени завоевал Байкал владелец Курьянович А.К., диплом в паре заработали однопомётники Гром и Гонор владелец Янкевич Ю.Б. Необходимо отметить, что там же проводились испытания по кровяному следу и на них дипломами третьей степени была оценена работа Байкала владелец Курьянович А.К. и Бури владелец Солюянов А.А.

Третьи испытания проводились там же, в Воложинском районе 23-го марта текущего года, в них приняло участие 27 собак породы белорусский гончак. Работа четырех собак была оценена дипломами: 2 — второй степени и 2 — третьей степени. Это: Буран владелец Ермаков В.К., Рокот владелец Габис А.Э., Акбар владелец Лобан Д.С., Орган владелец Савенков Ю.М.

Прежде чем перейти к сравнительному анализу работы собак, необходимо остановиться на правилах про-

ведения испытаний. Проводились они по временным правилам для испытаний охотничьих собак для загонной охоты по подсадному кабану. Утверждены Правлением РГОО «БООР» 10 ноября 2009 года и хороши тем, что определяют: «К охотничьим собакам, пригодным для использования на загонных охотах, предъявляются следующие требования. Собака, спущенная с поводка, должна активно и целенаправленно обыскивать угодья в поисках зверя. Найдя зверя, собака должна его преследовать громко и постоянно отдавая голос. Остановившегося зверя собака должна всеми своими действиями пытаться стронуть с места и продолжать гон. При этом собака должна быть послушна и позывиста, прекращая работу по сигналу ведущего». Вот именно то, что и требуется от белорусского гончака, вот именно такая работа и даёт ему перспективу в развитии, и если хотите, путёвку в жизнь. Считаю, что простому белорусскому охотнику далеки рассуждения о восстановлении одного из элементов национальной самобытной культуры или желание занять свою национальную породу гончих по примеру эстонских, латвийских и литовских гончих, просто русских, вкуче с русской пегой гончей и польской гончей. Ему гораздо ближе простая потребность в гончей для загонной охоты на копытных, работающая так, как указано во временных правилах. Которые, кстати, были разработаны и приняты под породу белорусский гончак.

Для сравнительного анализа воспользуемся официальным документом — рапортичкой, подписанной председателем экспертной комиссии Касперовичем Е.Н и экспертом второй

Облаивание стоящего зверя

категории Мельничек А.Г. Итак...

Из 27 собак работа четырех была оценена на получение диплома. По сравнению с первыми испытаниями (тогда было 6 дипломированных) — это регресс и это не радует. Но вспомним о том, что в настоящее время происходит процесс становления породы, отбор племенного материала, то есть лучших представителей. А поэтому требования к ним повышенные и очень жесткие без всяких снисхождений. И это единственно правильный путь, по-другому просто нельзя. Понимая это, можно уже иначе взглянуть на результаты: из 27 собак только у одной — «отказ от работы». При этом пёс кабана видел и молча стоял рядом, вероятно, просто он не был приравнен по кабану. А это уже устранимо.

Работа 10 собак оценена — «без подвёма», при этом не смогли найти кабана 5 собак подряд. Каждому псу на поиск отводилось 10 минут, то есть кабана так надёжно спрятали в крепком месте, что его не могли найти в течение 50 минут чистого времени. Вероятно, тут сказался опыт общения с собаками вольерной дикой свиньи «Машки» и отсутствие опыта у данных собак.

Работа 11 собак была оценена как — «бросил зверя». То есть собака должна была отработать по зверю, после того как нашла его, не менее 10 минут, но данные собаки бросали работу раньше.

Особо хотелось отметить работу девятимесячного выжлеца по кличке Залив владельца Суrowец С.Э. Девять месяцев для пса — это юношеский возраст, что подтверждает его совершенно негеройский вид, но выделяет отчаянная смелость. Дважды попадал под удары стремительной в броске опытной Машки, но работу по ней не бросал. К сожалению, боец не сработал на диплом и остался без оценки, но эксперт Мельничек А.Г. при подведении итогов так оценил работу этого отчаянника: «Перед этим юным псом снимаю шляпу». Добавлю от себя лично: я видел его работу в вольере, вероятно, такие псы — это будущее данной породы.

В целом, подводя итоги — всё не так уж и плохо, из 27 представителей породы белорусский гончак — 16 собак работали по вольерному кабану. Более половины. Вне всякого сомнения, владельцы этих собак не будут напрасно держать дармоедов, а будут с ними охотиться и, получив практический опыт работы по вольному кабану, псы смогут сработать на диплом и по вольерному. Процесс формирования племенного ядра породы белорусский гончак развивается в верном направлении и третьи республиканские испытания по вольерному кабану это подтверждают.

День охотоведа - 2014

В. ИГНАТЬЕВ, Г. ЛАПСИН

Тридцатого мая текущего года на «Кудряшовской заимке», привольно раскинувшейся среди красивого соснового бора, состоялась 7-я встреча охотоведов Новосибирской области. А началось всё в 2007 году по предложению Курулёно Валерия Анатольевича, охотоведа выпуска 1980 года Иркутского института сельского хозяйства (ИСХИ). Ведь ежегодно в далёкий Иркутск не наездишься. А как хочется отвести душу, вспомнить студенческие годы, старое доброе время. Самым главным в таких встречах — общение с родственными душами, любящими родную Природу и ревностно её охраняющими. На первой встрече присутствовало всего семь романтиков. Но с каждым годом число их росло.

На встречах выбирают Предводителя охотоведов на год, который организует праздник охотничьей братии в следующем году. Эту встречу устраивал Предводитель — Григорьев Владимир Степанович — заместитель председателя областного общества охотников и рыболовов. Присутствовало более тридцати охотоведов и приглашённых лиц, в их числе представители всех областных организаций Новосибирской области, связанных с охотой, охраной окружающей среды, производством фауны и флоры.

Собравшихся охотоведов поздравил: от Департамента лесного хозяйства — заместитель руководителя Костюков Олег Викторович. От департамента природных ресурсов и охраны окружающей среды — начальник отдела водных биологических ресурсов Денисов Николай Мартеньянович. От федеральной службы рыбнадзора по Новосибирской области — Трифанов Александр Александрович. От охотоведов Московского пушно-мехового института — один из старейших охотоведов России, кандидат биологических наук, Игнатьев Виктор Александрович, выпускник МПМИ 1952 года.

Встреча прошла в непринуждённой обстановке, соответствующей нестаршему братству охотоведов. Звучали от многих присутствующих. Любкой мог продемонстрировать свои способности и таланты. Бывший государственный охотинспектор по Убинскому району, а ныне пенсионер, Матюхов Иван Петрович порадовал душевным исполнением народных песен на хорошем вокальном уровне. Приглашённый на встречу и принятый в охотоведческое сообщество заядлый охотник и рыбак Альберт Сергеевич Кайков, только по случайности не ставший охотоведом, подарил всем участникам свои книги «В Туруханской тайге».

В перерывах охотovedы собирались

группами, вспоминали студенческие годы, совместные рейды, обсуждали насущные проблемы охотничьей отрасли. В конце встречи выбрали Предводителя охотоведов на следующий год Черепанова Василия Павловича — консультанта отдела Департамента по охране животного мира Новосибирской области.

В общественном объединении охотоведов области существует Совет Старейшин из пяти лиц: Ветренко Виктор Константинович, начинал учёбу в Московском пушно-меховом институте, а закончил в 1957 году в ИСХИ; Телепнев Владимир Геннадьевич — заведующий Новосибирским отделением ВНИИОЗ; Зверев Валерий Григорьевич — предприниматель; Денисов Николай Мартеньянович — он уже упоминался; Мазоха Владимир Владимирович — пенсионер.

Впервые выбрали почётного пожизненного главы охотоведов, им стал Игнатьев Виктор Александрович, а его заместителем Лапсина Геннадия Михайловича, выпускника ИСХИ 1966 года, проработавшего без малого полвека главным охотоведом в госпромохозах страны.

Нами продуманы и предлагаются вопросы усиления роли и значения «Дня охотоведа». Предварительно Предводителю следует выяснить у каждого из охотоведов области и всех лиц, причастных к охоте и связанных с охотничьим хозяйством, волнующие их и требующие разрешения вопросы и подготовить выступающих. А «День охотоведов» надо начинать с упоминания и почтения ушедших за год товарищей, присваивать одному — двум лучшим специалистам звания «Охотвед года».

Вполне возможно, что в процессе общения могут быть выработаны согласованные решения по каким-то конкретным вопросам, что должно быть оформлено резолюцией или обращением сообщества охотоведов. Мнение охотоведов области сможет существенно повлиять на решения руководства охотничьей отрасли в вышестоящие инстанции, или же побуждать их больше внимания уделять каким-то конкретным вопросам. Да мало ли полезных инициатив может родиться в светлых и не равнодушных головах радателей дикой живой природы! В дальнейшем Предводитель совместно с Советом старейшин оформляет принятые на «Дне охотоведов» документы, даёт им ход, а потом организует и очередную встречу.

Если указанные соображения удасться осуществить, то проведение ежегодного «Дня охотоведа» может получить качественно более высокое значение и звучание.

Начнём с нескольких вопросов, которые поставил наш читатель Александр Юрьевич Логинов из Костромы. Стиль написания вопросов авторский.

Неоднократно приводились таблицы начальных скоростей пули разных производителей патронов. У полуавтоматов нач. скорость пули должна быть меньше, чем у болтовика, за счёт потери части энергии пороховых газов на перезарядку. Для какого оружия приведена эта таблица, также это касается для гладкоствольного оружия?

Все баллистические характеристики (в том числе и начальные скорости пули), которые приводятся в каталогах и проспектах оружейных фирм и фирм производителей патронов, получены при стрельбе из баллистических стволов, а не из какой-то конкретной модели оружия. Баллистический ствол — это специальная конструкция, оснащённая приборными элементами, позволяющими снимать показатели характеристики выстрела, куда входят в том числе давление и начальная скорость пули. Если мы говорим о начальной скорости пули, то они «привязаны» к определённой длине ствола. Каждая фирма, показывая характеристики своих патронов, получает их на баллистическом стволе определённой длины. К сожалению, не все таблицы имеют ссылку на длину ствола, но многие имеют. Приведу несколько примеров. Так фирмы Ремингтон (Remington) и Винчестер (Winchester) для снятия характеристик винтовочных патронов использует баллистические стволы длиной 61 см; европейская фирма Sella Bellot — 60 см, но она же, отстреливая старые патроны 7,62x54Rus и 8x57 Маузер для винтовки мод. 88, использует баллистические стволы длиной 73 см. Объясняется это просто, при конструировании этих патронов их использование предполагалось только в винтовках со стволами более 70 см, поэтому свои лучшие показатели они должны были демонстрировать именно на стволах такой длины. Фирма Dynamit Nobel для патронов кольцевого воспламенения (типа .22LR) пользуется баллистическими стволами длиной 65 см, а для .22WMR — 60 см. Большой набор баллистических стволов использует финская фирма Lapua, для патронов .22LR — 66 см, или 15 см для пистолетных патронов; есть стволы и 58 см, и 61 см, а для патрона .338 Lapua Magnum — 69 см.

Автор письма совершенно верно заметил, что у самозарядного оружия с газоотводным механизмом начальная скорость пули будет снижена, но не только наличие газоотводного механизма влияет на это уменьшение, а в большей степени длина ствола. Спра-

вочник «Современные охотничьи боеприпасы для нарезного оружия (В.Н. Трофимов, А.В. Трофимов, Москва, 2001) приводит следующую таблицу изменения величины начальных скоростей пули в зависимости от длины ствола и начальной скорости.

Диапазон начальных скоростей	Примерное изменение нач. скорости на 1 см изменения длины ствола
600—750 м/сек	1,2 м/сек
750—900 м/сек	2,4 м/сек
900—1050 м/сек	3,4 м/сек
1050—1200 м/сек	4,8 м/сек

Учитывая, что длина стволов современных карабинов редко превышает 550 мм, потери на скоростных патронах будут составлять примерно 20 — 30 м/сек. При этом потеря мощности выстрела, которое влечёт за собой такое уменьшение начальной скорости пули, практически незаметно. Что может быть неприятным для стреляющего, так это слепящая вспышка выстрела в тёмное время суток, которая характерна для неполного сгорания пороха при недостаточной длине ствола.

Поражающие свойства пули напрямую зависят от её начальной скорости и массы. Но чем больше масса пули, тем меньше скорость. Производители выпускают патроны .308 Win. с массой пули 9,1; 9,3; 10,3; 13,0 грамм и т. д. Вопрос: Какая пуля будет эффективней (в среднем)?

Вопрос поставлен очень общо. Что значит эффективней, по какому животному и при каком характере стрельбы? Тем не менее выскажу своё мнение.

Для снаряжения этого патрона используется широкий ряд пуль, отличающихся друг от друга и конструкцией, и массой. От минимальной 6,8 г до 13,0 г. Условно я бы разделил этот ряд пуль на три группы: 6,8—8 г; 8,5—10,0 г и 10,5—13,0 г. Первая группа при начальных скоростях до 1000 м/с наиболее интересна при отстрелах животных массой до 80 кг на дистанциях до 400 м. Поясню. До 400 метров при высокой скорости пули такой массы имеют отлогую траекторию и облегчают попадание в малую убойную зону при вполне достаточной убойности для животных такого размера. Вторую группу при скоростях до 850—900 м/с, мне кажется, лучше всего использовать для стрельбы тоже до 400 м, но по животным большего размера (от 100 до 150 кг). Причём, чем крупнее зверь, тем тяжелее пулю лучше использовать. С увеличением размера животного увеличивается и размер его убойной зоны, что в извест-

ной мере компенсирует большую крутизну траектории. И третью группу пули я бы использовал для стрельбы по крупным животным массой 200—300 на дистанциях до 150 м. Тяжёлые пули имеют более крутую траекторию, что усложняет стрельбу на большие расстояния, но они имеют большую останавливающую силу и больший убойный эффект даже при скоростях порядка 600 м/с. Это я высказал своё мнение.

Кто такой Иванов со своей пулей?

Сразу хочу сказать, что патронами, снаряженными пулей Иванова, я не стрелял, поэтому обсуждать её характеристики не могу. Разговоры об этой пуле начались сравнительно недавно. Внешне она очень похожа на пулю «тандем», конструкции В. Митичкина, только у неё сделана выборка в головной части, но это визуальное сравнение. Ну, а откуда он появился? Мы помним, что в советское время патентная служба в нашем государстве была не на высоте, и многие изобретения расходились просто «по рукам», это касалось и охотничьих пуль. Некоторые из них получили имена собственных по фамилиям своих изобретателей — Ильина, Рубейкина и др., а другие так и остались безымянными. Иванов запатентовал пулю и дал ей своё имя, это значит, что до него никто подобное изделие в патентное бюро не представлял.

Николай Березинов (возможно, фамилия написана не совсем правильно — неразборчиво и в письме, и на конверте) из с. Коргон, Республика Алтай, просит: «Объясните, пожалуйста, характеристику патронов 7,62x39, а то приходится пристреливать каждую пачку. Имею карабин СКС».

Охотничий патрон 7,62x39 имеет три варианта снаряжения: с экспансивной пулей, со сплошной пулей и с полуболочечной пулей. Экспансивная пуля имеет вскрытую оболочку — срез самого кончика оболочки, что позволяет ей легко деформироваться при попадании в цель. Под оболочкой находится свинцовая рубашка, а внутри неё стальной сердечник. Есть патроны, где стальной сердечник отсутствует и всю полость внутри оболочки заполняет свинец. Сплошная пуля имеет ту же конструкцию, как и экспансивная, только оболочка не вскрыта. Масса обоих типов пуль — 8,9 г. Полуболочечная пуля имеет массу 9,7 г, у которой свинцовый сердечник выходит за пределы оболочки, образуя оголённый свинцовый кончик. Естественно, что каждый из этих патронов будет иметь траекторию пули, отличную от других. Правда, это касается только дистанций, примерно от 100 м и более. Автор письма не уточнил, какая точность стрельбы его

удовлетворяет. На дистанции 50 м траектории пуль примерно одинаковы, т. е. разница составляет миллиметры, и практически неуловима. А вот дальше начинает влиять форма пули, т. е. её баллистический коэффициент (способность пули преодолевать сопротивление воздуха), и масса, и чем больше дистанция, тем заметнее это влияние. Отсюда вывод — каждый тип патрона нужно пристреливать отдельно.

Если же, как говорит автор, пристрелки требует каждая пачка однотипных патронов, то претензии следует предъявлять изготовителям патронов. Понятно, что компоненты патронов (порох, капсюля, пули) не могут быть совершенно одинаковыми. Каждая партия пороха одного и того же типа не может быть совершенно одинаковой. То же относится и к капсюлям, и пулям, и даже внутреннему объёму гильзы. Именно разницей в характеристиках компонентов и объясняется изменение точности и кучности стрельбы. Но дело не только в компонентах, автоматические линии по снаряжению патронов тоже имеют определённое право на неточность, это заложено в их конструкции под именем «допусков». Так, согласно ГОСТу, разница между наибольшей и наименьшей скоростью пули для охотничьих патронов может составлять 35 м/с, и если на небольших дистанциях стрельбы эта разница влияет на траекторию мало, то при стрельбе на значительные расстояния она становится существенным фактором.

Так стоит ли пристреливать каждую пачку? Пристреливать, наверное, нет, но сделать 1—2 пробных выстрела стоит. Ведь на охоте цена пулевого выстрела бывает достаточно высока. Но особенно внимательным следует быть при использовании патронов разных производителей. В нашей стране охотничьи патроны 7,62х39 выпускают Барнаул, Ульяновск, Тула и, возможно, Климовск.

Наш безымянный читатель просит дать в журнале размеры правил для оправки шкурок пушных зверей.

Вильчатые правилки

№	Размеры планок, см			Размеры замка, см			Расстояние между сводными концами, см
	Длина	Ширина	Толщина	Длина	Ширина в основании	Ширина в вершине	
1	150	2,5	2,0	15,0	7,0	1,50	50
2	125	2,00	2,00	14,5	5,5	1,00	39
3	100	1,75	1,75	14,0	5,0	0,75	30
4	80	1,75	1,75	13,5	4,5	0,50	27
5	65	1,50	1,50	12,5	3,5	0,30	17

Клиновидные правилки

№	Длина, см	Толщина, см	Ширина (см) на расстоянии от вершины (см).							Ширина в основании, см
			5	10	20	30	40	50	60	
1	125	1,25	6,5	8,5	12,5	13,5	14,5	15,5	16,5	17,5
2	100	1,0	6,0	8,0	12,0	13,0	14,0	15,0	—	10,6
3	80	0,75	6,0	8,0	11,0	13,0	15,0	16,5	18,0	19,0
4	60	0,75	4,5	6,0	9,0	11,0	13,0	14,5	15,0	15,0
5	70	0,50	5,5	6,5	7,5	8,5	—	—	—	9,5
6	80	2,6	4,8	6,5	6,2	6,4	—	—	—	7,5

Раздвижные правилки

№	Длина планок, см	Расстояние от вершины до самой широкой части, см	Ширина планки, см			Толщина планки, см	Размеры поперечной планки, см	
			В верхней части	В самой широкой части	В нижней части		Длина	Ширина
1	120	30	2,5	5,5	2,5	2,0	30	3,0
2	100	25	2,0	4,5	2,0	1,5	25	2,5
3	80	20	1,5	3,5	1,5	1,25	20	2,0

Вообще на письма без адреса и фамилии мы не отвечаем, и только в силу того, что этот вопрос может быть интересен многим охотникам, мы решили на него ответить.

Правилки бывают четырёх типов: клиновидные, вильчатые, раздвижные и разборные. Их изготавливают

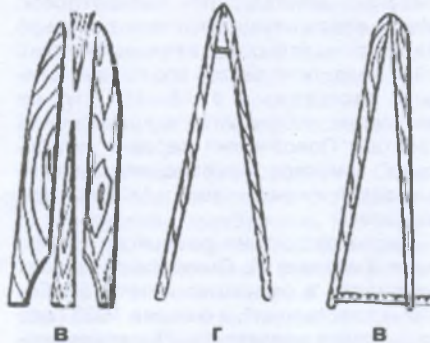
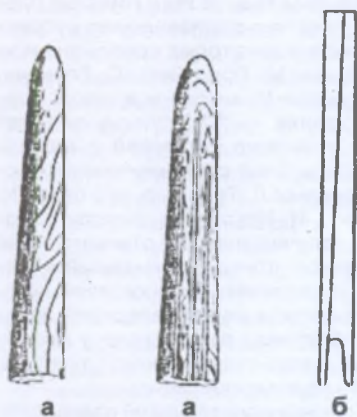
из лиственных пород деревьев. Для каждого типа правилки существуют свои размеры и соответствующие номера. Ниже в таблицах приведены размеры правилки.

Разборные правилки используются только для горностая и колонка, поэтому их размеры мы не приводим.

Для шкурок рыси, россомахи, лисы, енота, енотовидной собаки, песца, шакала применяют клиновидные и вильчатые правилки 1-го размера; для корсака, мелкой лисы, зайца-русака, кошки дикой, мелкого песца — 2-го размера; для зайца-беляка, зайца-толая — 3-го размера; для кролика — 4-го размера; для чёрного хоря и куницы — 5 и 6 размеров.

На раздвижных правилках 1-го размера правят шкурки лисы, шакала, енота и енотовидной собаки, песца, россомахи; на 2-ом размере — шкурки песца, корсака, мелкой лисы, зайца, дикой кошки; на 3-ем номере правят шкурки кролика и домашней кошки.

Для соболя используют специальные правилки и оправляют шкурки в зависимости от края соболя.

Рисунки правилки: а. Клиновидные, б. Разборная, в. Раздвижные, г. Вильчатая

Русские писатели-охотники

СМИРНОВ Николай Павлович (1898 - 1978)

Николай Павлович Смирнов

Родился в г. Плесе в купеческой семье. Отец с 1904 до 1917 года избирался городским головой. Семья жила в большом двухэтажном доме на Соборной горе высокого берега Волги. Весь уклад жизни старшего поколения семьи Смирновых строился на основе любви к работе, Богу, природе, охоте, музыке, людям и оказал огромное влияние на становление Н. Смирнова как человека и писателя. В столовой дома висели чучела тетерева и тетерки. В доме было много книг, выписывали журнал "Нива". Любимыми книгами с детства были "Робинзоны в русском лесу" О. Качулковой и произведения Сетон-Томпсона.

С детства Н. Смирнов полюбил природу. Этому способствовали дяди мальчика, которых объединяла общая страсть — охота. «Сборы на охоту были для них настоящим праздником. Всё делалось с любовью, не торопясь. Чистили ружья, готовились и прочие охотничьи принадлежности. Я помню их в охотничьих куртках с перекинутыми через плечо ружьями, — вспоминала сестра Николай Павловича. — Они заходили в сад за собаками, жившими в добротных будках, две, а иногда три. И тогда вся наша слобода оглашалась победным лаем. И все знали, что братья Смирновы пошли на охоту». В семилетнем возрасте дяди взяли своего племянника на заячью охоту. Охотились с костромичом Заграем, происходившим от породистых гон-

чих, владельцем которых был известный в России заводчик Н.П. Кишенский, автор книги "Ружейная охота с гончими".

Знакомство и дружба с учителем-естественником губернской гимназии, тоже охотником, помогли юноше узнать старую охотничью литературу. Он часто приходил к учителю в дом, где в одном из шкафов находились книги Дрянского, Мачеварианова, Сабаньева, Смелницкого, Арсеньева, Опочина, Псковича. Доставали книги, усаживались в креслах и забывали о времени.

Природа волжского городка и его окрестностей, литература и охота стали, по словам Н. Смирнова, "колыбелью великой любви к видимому миру, а потом и основным материалом писаний". Ещё с детского возраста будущий писатель мечтал стать литератором. Мечта стала осуществляться довольно рано: в местных газетах, начиная с 1914 года, печатаются его первые стихи и рассказы, в 1915—1917 гг. он регулярно публикуется в костромских газетах "Поволжский вестник" и "Курьер", в московских изданиях "Газетка для детей и юношества" и "Журнал для женщин".

После окончания реального училища в Кинешме Н. Смирнов поступает на работу в редакцию газеты "Рабочий и крестьянин", а с осени 1920 года становится редактором "Кинешемского вестника". Через год его переводят

в областную газету "Рабочий край", в 1922 году приглашают в Москву на должность ответственного секретаря газеты "Известия ВЦИК". Следующий период его работы 1926—1934 гг. в журнале "Новый мир" в должности литературного редактора, одновременно он был членом правления Московского Товарищества Писателей. В это время познакомился со многими писателями, в том числе с М. Шолоховым, В. Маяковским, Б. Пастернаком, И. Соколовым-Микитовым. Близко сошелся с М. Пришвиным, А. Новиковым-Прибоем, В. Правдухиным, А. Перегудовым, Н. Зарудиным, В. Катаевым. Многие из них доверяли Н. Смирнову свои произведения для первого чтения и рецензирования. Он становится известен читателям как автор литературно-критических статей.

В изданиях "Красная новь", "Новый мир", "Известия", "Литературная газета", "Волга", "Сибирские огни" публиковались его литературоведческие работы и литературные портреты писателей-современников: Дм. Фурманова, Л. Никулина, Б. Пастернака, В. Катаева и других. Написаны они с большим уважением и доброжелательностью к коллегам по "цеху". Н. Смирнову было чуждо всякое ворошение былого, выискивание чужих ошибок, сведение каких-либо счётов.

С середины 20-х годов тема природы и охоты стала основной в творчестве Н. Смирнова. В 1925 году вместе с В. Правдухиным им был подготовлен и выпущен сборник "Охотничий рог" (первый в серии послереволюционных сборников русской охотничьей прозы), авторами которого стали М. Пришвин, И. Соколов-Микитов, А. Новиков-Прибой, Б. Пильняк, А. Перегудов и другие. Второй сборник "Охота в русской художественной литературе" издан в 1927 году. В него Николай Павлович включил произведения русских классиков и некоторых современников (И. Бунина, М. Пришвина, С. Есенина, И. Соколова-Микитова и других). Третий сборник — "Охотничье сердце" (1927) знакомил читателей с творчеством писателей-современников и произведениями Л. Толстого, его брата Н. Толстого, Н. Некрасова. Николай Павлович, отлично знавший отечественную литературу, тонко понимавший классиков и современных писателей, умелым подбором их произведений показывал в сборниках русскую охоту как солидный пласт отечественной культуры во всём её разнообразии.

Н. Смирнов одну за другой издает свои книги: "Изумруд Севера" (1929) —

Николай Смирнов на охоте

гимн Плёсу, охоте; "Тёплый стан" (1931) — описание своих поездок по стране; "Человек и жена" (1932) — наблюдения современной жизни; "Своим следом" (1934) — новый сборник об охоте. В эти годы он продолжает публиковать свои охотничьи рассказы в журналах "Охотник Сибири", "Боец — охотник", "Новый мир".

В мае 1934 года Николая Павловича Смирнова приняли в Союз писателей, а в декабре исключили по ложному обвинению "за контрреволюционную агитацию и распространение контрреволюционной литературы". Приговорили по статье 58-10 к 4-м годам заключения в исправительно-трудовых лагерях. Ссылку он отбывал в лагере, находившемся между станциями Кемчуг и Бадоложное на границе Алтайского края. В конце сентября 1936 года его отправили на север в район Воркуты. Но и в тяжёлых лагерных условиях писатель оставался верен своему литературному призванию: писал стихи, рассказы. В 1939 году закончился срок ссылки, и Николаю Павловичу определили дальнейшим местом жительства г. Александров (ныне Владимирской области). В мае 1941 года он возвратился в Москву с твёрдым намерением вновь отдаться любимой литературе. Но началась Великая Отечественная война и в августе его призвали в армию. По состоянию здоровья служил писарем в артиллерийской части, дислоцировавшейся на границе Московской и Калужской областей.

В послевоенные годы Н. Смирнов становится активным пропагандистом наследия И. Бунина. Публикует произведения русского классика на страницах альманаха "Охотничьи просторы", пишет статьи о его творчестве, активно участвует в подготовке бунинских томов "Литературного наследства".

Воспитанный на классическом русском искусстве, восхищавшийся творчеством И. Бунина, живописью И. Левитана, музыкой С. Рахманинова, исполнительским мастерством Ф. Шаляпина Николай Павлович обладал редкой способностью воспринимать и передавать читателю прекрасное в разных его проявлениях. Особенно это касалось природы, получившей лирическое отражение в его книгах и рассказах, печатавшихся в журнале "Охота и охотничье хозяйство" и в альманахе "Охотничьи просторы", в редакции которого писатель долгие годы трудился как заместитель главного редактора, составитель и член редколлегии. За 28 лет опубликовал на его страницах около 40 рассказов, очерков и стихотворений (подписывал их псевдонимом С. Вьюгин).

Альманах пользовался огромной популярностью. Тиражи за время работы в нем Н. Смирнова выросли с 45 до 200 тысяч в 1978 году. Высокий авторитет "Охотничьих просторов" был завоеван благодаря активной профессиональной работе дружного коллектива этого издания. Николай Павлович был среди них один из первых. Редколлегия альманаха в приветствии в связи с 75-летием Н.П. Смирнова отмечала, что он был подлинной его душой, неутомимо работал над его совершенствованием. В альманахе впервые опубликовано главное художественное произведение Николая Павловича повесть "Золотой Плесь" — о пребывании И. Левитана в этом волжском городе. По складу своего таланта Н. Смирнов писатель-живописец, поэтому литературный Плесь созвучен левитановскому. Академик Д.С. Лихачёв писал автору книги: "От души желаю Вам таких же книг как "Золотой Плесь". Очень, очень хорошо". В.Н. Муромцева, жена Бунина, с которой Николай Павлович переписывался несколько лет, отмечала: "Ваше описание Плёса меня восхитило, и я очень жалею, что не была там раньше... У Вас хороший язык, Вы тонко чувствуете природу, а охоту с гончими я представила себе яснее, чем даже охоту Ростовых" (в «Войне и мире» — В.Ч.).

В творческой биографии Н. Смирнова есть период активного общения с литературным зарубежьем. В 1945 — 1970 гг. в Париже издавалась просоветская еженедельная русскоязычная газета "Русские новости". Николай Павлович активно сотрудничал с ней, направляя из Москвы свои корреспонденции. За девять лет он опублико-

вал в этом издании около 130 материалов на самые разные темы: культурная жизнь Москвы, путешествия по Волге и Оке, памятники Ленинграда и его окрестностей. Много статей посвящено классикам литературы и современным писателям, художникам, музыкантам, философам, учёным. Неоднократно он публиковал очерки о Рахманинове, Камерном театре, любимой артистке этого театра Алисе Конон. Но основную часть публикаций в "Русских новостях" составляет его художественная проза. Чаще всего это рассказы-воспоминания об уютном родительском доме, охотничьих путешествиях, деревенской природе. Скупой на похвалу Бунин считал Н.П. Смирнова умнейшим критиком русского литературного зарубежья.

Хочется привести высказывание доктора филологических наук П.В. Куприяновского. "Произведения Н.П. Смирнова не просто прививают чувство любви к природе, к отчему краю, они эстетически воспитывают, учат видеть в нашей неброской, русской природе потаённую красоту, источник прекрасного, возвышенного, поэтичного. Они призывают любить, охранять

Н. Смирнов. 1923 г.

и защищать родную природу не с помощью лозунгов, а всей своей художественной сутью. И в этом особая роль и особая их ценность в наше время".

Замечательный писатель из Пензенской области, к сожалению, рано ушедший в иной мир, Анвар Бикмуллин в своём письме литератору В.А. Окуню отметил: "Николай Павлович Смирнов для меня, как камертон для настройки пианино. По нему я "настраиваю" струны души, когда случается разлад и аккорды не "строят". Литературное творчество Н.П. Смирнова, можно сказать, в наши дни является камертоном для современной охотничьей литературы.

Владимир ЧЕХАРИН

Отчий дом

Глухая осень, нерассветающий день, седой и легкий, по-своему музыкальный дождь,

В саду, полном как бы ворожащего журчания, пахнет опавшими листьями, отсыревшей еловой корой, и чутко спит в будке на ворохе свежего сена гончий выжлец Громило, уставший от вчерашней охоты.

На дворе, на стене сарая, под навесом, грузно виснут два ушастых, тонколапых русака, мех которых, курчавый и плотный, напоминает о недалекой зиме.

А в доме топят, малиновым огнем кипят печи, в комнатах веет теплом, стоит тонкий, винно-медовый запах яблок, с неторопливой напряженностью отсчитывают уходящее Время старинные часы с нарядным циферблатом и тяжелыми гириями на злаченых цепочках, — и я, подросток, только что вернувшийся из школы, всей юной душой чувствую этот уют, этот мир домашнего счастья.

То, что за окном моросит дождь, что под дождем бесприютно, грифельной доской лежит Волга, а за Волгой как бы дымятся раздетые леса, только углубляет чувство уюта и довольства, только обостряет любовь ко всему домашнему, с младенчества вошедшему в душу и кровь.

Я не был дома каких-нибудь несколько часов, но и за эту короткую разлуку испытал такую тоску, что теперь мне кажется, будто вернулся из дальнего странствия, и потому каждая вещь, каждая мелочь исполнена для меня глубокой и тайной, только мне понятной поэзии.

И как же мне дорого все — и мокрый, оббитый барсучим мехом ранец, и учебники в гляцевитой, нарядной бумаге, и расписный погромывающий пенал, и тяжелый футляр готовальни, и отцовский письменный стол, и любимая картина над ним — тройка в морозном поле, и стрекот

швейной машины, за которой трудится, напевая что-то тихое и старинное, мать...

Прогулка по комнатам кажется целым путешествием, изученные наизусть вещи каждый раз открываются в какой-то бездонной новизне.

Долго-долго не отводишь глаз от дубового шкафа, за стеклом которого тесно сомкнуты книжные, тисненные золотом кожаные корешки с именами Пушкина и Толстого, Тургенева и Некрасова; эти волшебные имена, тоже с младенческих лет, бережно хранятся в душе как одна из чудеснейших радостей жизни. С детства же полонил все мое внутреннее существо и альбом с рисунками Левитана; ведь на них отражена и матушка Волга, видная из окон, и родной город, к которому я привязан, как и к отчому дому... Я тихо листаю альбом — и сердце вдруг начинает сладко вздрагивать и стучать: оттого, что в меня входит, — может быть, смутно, но явно и определенно, — сознание моей кровной причастности, через отчий дом и город, к той великой и теплой стране, которую зовут столь торжественно и звучно — Россия.

Смотрю в окно: дождь моросит и моросит, сбивает последние листья с берез, пароход, уплывающий к низовьям, как бы озябнувший от холода и сырости, густо дымитися черно-седым дымом, похожим на конский хвост, и все кричат, хохлятся на лугу бесприютные, горемычные вороны. Все это, казалось бы, должно быть очень скучным, — но разве может быть скучным то, что обожаешь душой и что дорого в любом своем проявлении?

Выхожу на крыльцо, опять смотрю: люблюсь на двух чалых русаков, пробираясь в дядину комнату — передо мной зримо возникает, будто картина в волшебном фонаре или мелодия в музыкальном ящике, таинственная Сказка Леса. В комнате висят дву-

ствольные ружья, очаровательно пахнущие маслом и порохом, патронташи и ягдташи из скрипучей и тоже очень пахучей кожи, тяжелые лосиные рога цвета грецкого ореха, грациозно высятся чучела синего косача и шоколадно-розоватого рябчика. Я достаю из граненой шкатулки, где хранятся дядины охотничьи принадлежности, косяной пищик, подношу его к губам и в комнате звучит-льется тонкая песенка, уже окончательно переселяющая меня в очарованную Страну Природы-Охоты.

Мне всего одиннадцать лет, но дяди уже не раз брали меня на ближние охоты, я уже до потрясающего восторга познал и музыкальную ярость собачьего гона, и несравненную радость удачного выстрела. Но я знаю и чувствую и все прочие охоты, которых сам еще не видал: о них поведали мне, на языке высокой поэзии, охотничьи журналы, грудившиеся на красной этажерке в дядиной комнате.

Вытаскиваю из этой груды толстый том «Природы и охоты», в золотистом переплете, раскрываю на картине, изображающей двух охотников — старика и юношу, и по-прежнему вижу себя в заповедном царстве Леса... В коридоре, слышу, шумит печка, — сквозь раскрытую дверь доходит ее полусонное тепло, — за окном журчит дождь, в столовой рокошут часы: течет и течет, убегают куда-то легкое и счастливое Время.

И я целиком погружаюсь в «Природу и охоту», чтобы мысленно бродить этим ненастным днем по солнечным и благоухающим лесам до вечера, который тоже принесет свою радость: огонь люстры в столовой, свежеевание зайцев на кухне, пропахнувшей свежими ситниками и рубленой капустой, долгое чаепитие, охотничьи рассказы дядей, а главное — все тот же уют отчего дома, древнее и теплое чувство семейственности.

Красная Тревога

Деревенский охотник Черемухин, продавая мне десятимесячную выжловку костромских кровей, всячески обнадеживал: «Бери, Павлыч, без всякого раздумья, благодарить будешь за Тревогу: верхочут, умница, принимается за дело со всем старанием, и хоть я не стукнул из-под нее еще ни одного зайчика, а толк в охоте, чувствуется, понимает».

Черемухин весело охлопал Тревогу, — она благодарно потянулась, блеснула глазами, заиграла хвостом, — и, любясь собакой, сказал: «А статья-то какая, что шипец, что корпус, что правило — все подогнано, как в музыкальном инструменте, без суч-

ка, без задоринки. А окрас: совсем как лиса-огневка, только с еще большим подпалом, с красной — так и зовут ее Красная Тревога, а голос — заслушаешься: серебряный залив...»

Стояла половина октября — лучшее время для охоты с гончими по черноотропу, и я не преминул приобрести Тревогу, полагаясь и на похвалу Черемухина, вместе с которым истоптал сотни верст, и сразу уловив в ее породистой красоте залог охотничьего дара.

Поселил я Тревогу, как и обычно, в саду, в просторной деревянной будке, выстланной свежим сеном, кормил ее — из рук — хлебом, смазанным

маслом или салом, холодным мясным супом и янтарной овсянкой, и этот корм заметно наливал ее силой, свежестью, бодростью, а вежливое, ласково-строгое обращение быстро привязывало ее ко мне.

Недели через две, выбрав мягкий и теплый день, я пошел с ней — после обеда — на охоту, и когда появился в саду во всех доспехах, собака с таким пронзительно ликующим визгом бросилась ко мне, чуть не оборвав цепь, что я тут же уверился: будет толк!

Толк обнаружился сразу: как я только освободил собаку от поводка, она мгновенно, не раздумывая и не оглядываясь, махнула в лес, призывно зашур-

шав палыми листьями. Я неторопливо стал кружить по дорожкам и полянам, окликая собаку задорным порсканьем. Изредка она появлялась на глаза и тут же исчезала, делая просторный, плавный круг. В скорости она подала голос — альтовый, звучный, полный напряженной страсти, действительно разливавшийся серебряной волной. Я слушал и слушал таинственную музыку осени, древнюю лесную тоску, отдаваясь ей, этой музыкальной тоске, всей душой охотника и бродяги.

Заяц кружил, петлял, и собака, «скальваясь» иногда на минуту-другую, держала след с таким упорством, будто это был умелый, опытный гонец.

Я стал подвигаться вперед, напереймы гону, вышел на опушку, приготовился к выстрелу: гон, правда, еще далекий, натекал прямо на меня — казалось, что в лесу кто-то прокладывает, с искристым звоном высекает тропу. Заяц, однако, вымелькнул слишком за сотню шагов, во всю прыть перекатил широкую лесную поляну и скрылся в соседнем перелеске. Тревога, как оказалось, очень парая, висела у него чуть ли не на хвосте: сразу же вымахнула на поляну, — несколько в стороне от заячьего следа, — и я до очарования засмотрелся, залюбовался собакой: сильная, пружинистая, с высоко поднятой головой верхочута, она пронеслась каким-то огнисто-красным видением, далеко разливая иступленный вопль, звеняще-страстный зов, содрогающий охотника.

Я остановился неподалеку от того места, где заяц сунулся в соседний перелесок, и терпеливо стал ждать, чуть улавливая зверино-истонченным охотничьим слухом все дальше и дальше уплывающий гон. Я жадно глотал ароматный, сине-седой табачный дым, утишавший разгоряченное сердце, рассеянно следил за дятлом, обсту-

кивающим сухую осину с чисто врачебной важностью, оглядывал — сейчас без особого восхищения — молодые, в последних золотых блесках березки — и всем напряженным существом ждал возврата зайца.

Заяц вернулся: непрерывно теснимый восторженным гоним, он наконец где-то совсем поблизости зашелестел листвою, разбрызгивая ее упругими лапами, и, будто забавляясь, запрыгал по дороге, постригая длинными замшевыми ушами. Ружейный удар заставил его красиво раскинуться на земле, на опавших листьях, сливавшихся с ним коричневой и дымчатой пестротой. Это был крупный, видимо, первого помета, хорошо нажировав-

шийся беляк, уже кое-где забеливший шубку, и особенно — задние лапы.

Тревога, с гоним дойдя до зайца, как бы на мгновение растерялась, но тут же бросилась к нему, стала, визжа и беснуясь, жадно слизывать кровь, толкать его мордой, втягивать и вынюхивать его влекущий, терпкий запах, издали, на следах, казавшийся ей, вероятно, недостижимым и волшебным. Она легла, положила на зайца лапы, смотрела на меня благодарно-влюбленными глазами и, вся дрожащая, шумно стегала по земле хвостом. Чувствовалось: она поняла и познала смысл гона, охоты — цель и оправдание иступленной страсти.

Я взял зайца, отсек кинжалом пазанки, бросил их собаке, подвязал его на ремень, забросил за плечи, — какое это всегда счастье! — и опять побрел окрайком леса, потрубливая и порская собаке.

В одном месте, в глухом кустарнике, я взбудил молодого русачка, который ошалело и стремительно покотил краем озими, отчаянно взмахивая лапами и чудесно высверкивая узорно-витым смуглым ремешком на спине.

Я отпустил его без выстрела и стал бурно накликать Тревогу: ата-та-та... Она быстро примчалась, сделала поворот-другой и, оглушительно взревев, самозабвенно погнала. Было ясно, что русачок вернется к лежке. Он вернулся после первого же круга, и был взят довольно трудным и далеким выстрелом: мне очень везло в тот незабываемый день.

Тревога опять жадно обнюхала и вылизала его, а потом, уже на поводке, махнула мне на грудь, и я с волнением почувствовал ее крепко стучавшее охотничье сердце и радостно оглядел полевою и лесной простор, навевавший мечты о восхитительных осенних и зимних охотах с собакой-другом.

Нищетой богатая осень

Весь день провел в лесу, простился с ним перед отъездом мысленным земным поклоном.

Бродил, как и все последние годы, без ружья — оно давно уже отдыхает в шагреневом чехле, рядом с ягдташем и медным рогом. Я смотрю на эти свои доспехи, как смотрели, вероятно, рыцари на шлем, меч и кольчугу, — с грустью и благодарностью: это вещественная память того, что было лучшего в жизни.

Но и без ружья я принес из лесу теплую и светлую радость, которую и буду чувствовать весь вечер. И разве это не радость — шагать по глухой дороге среди бархатно-синих сосен, наблюдать за белкой, которая в ответ на мое цоканье безбоязненно спускалась по шербату еловому стволу, пересматривалась со мной кофейными зернами глаз, любоваться еще не раздетой березкой над озером, глохнуть от шума и треска стаи чернышей, заставивших меня задохнуться от сердцебиения, — верный был бы выстрел! — засматриваться, выйдя на опушку, простором родной дали, такой прекрасной и

в мурый осенний день. Нищетой богатая осень!

А когда я возвращался — то полевой тропой, пролежавшей в озимях, то одинокой и печальной дубравой, — облака на западе вдруг медленно разошлись, будто железные ворота, и оттуда багряной волной хлынул блеск низкого солнца, и тут же потянуло с севера колючим холодом. Я как бы явственно услышал далекие, но явные и чуткие шаги зимы, хотя она и шла, как всегда, в мягких сапогах из оленьего меха.

Дома меня сразу же овеял запах яблок, — яблоки тугие, наливные и разноцветные лежали и на столе, среди книг и рукописей, и на подоконниках, уютных от двойных рам.

Я принес со двора вязанку сухих и звонких березовых дров, положил их, полено за поленом, в печь-лежанку, поджег бересту — и в печи вспыхнул, жар-птичьими перьями зацвел, заиграл древний, священный огонь. Потом он зашумел и загудел, от него пылало лицо и плавилось одинокое сердце, давно уже не знавшее огня в очаге.

1967—1969 гг.

С. Вьюгин

Охотничьи костры

Грусть и думы о волшебных странах,
Рог, ягдташ, охотничье ружьё,
Блеск костра на боровой поляне, —
Счастье незабвенное моё!
Всё проходит: боль, мечты, желанья,
И всё чаще через грань годов
Светят и зовут воспоминанья,
Как огни охотничьих костров.

Плёс. 1956.

Звонкий рог в старинной позолоте
И его певучий милый зов, —
Вековая музыка охоты,
Светлая симфония лесов.

Помню осень, запах палых листьев —
Словно винный сладостный настой.
Плакал рог, и день, седой и мгlistый,
Был пронизан русской красотой.

А потом в чащобе, за туманом,
Будто бы из сумрака времён,
Золотым торжественным органом
Зазвенел и заструился гон.

Он звенел всё радостней и звонче,
Окликая дальние леса:
Закружила неотвязных гончих
Хитрая красавица-лиса.

Лёгкая, пушисто-огневая,
Вся, как ветром взвезанный костёр,
Заметалась хищница лесная
Средь овражных потаённых нор.

А за ней мольба и сила гона,
Как волна тяжёлая текла...
Лопнул выстрел отголоском звона,
И она недвижима легла.

Сгрудились собаки над лисою,
Жадно и прерывисто дыша.
Радостью пылала молодую
Страстная охотничья душа.

И над тихой дымною долиной,
Средь глухих неведомых дорог
Заливался звонкий и старинный
Золотой и музыкальный рог.

Плёс. 1958.

Иней, перламутровый и хрупкий,
Всё вокруг в предзимнем тихом сне,
Щеголяя голубою шубкой,
Белка разрезвилась на сосне.

Свежестью душистой напоённый
Лес как морсом клюквенным залит...
Рябчик, умилённый и влюблённый,
Нежно и таинственно свистит.

Стоя за густой зелёной елью,
Одинок, неслышим, невидим,
Я свирелью — золотою трелью
Ласково перекликаюсь с ним.

По ковру сухих, опавших листьев
Он чуть слышно близится ко мне,
И стеклом дробится звонкий выстрел
В светлой и морозной тишине.

Плёс. 1958.

В полях — следы предутреннего
ливня:

Осколки луж и пашен шоколад.
Шуршит овёс. Мерцает бронза жнивья,
И прян полевой тонкий аромат.
В густом лесу, в душистом полумраке,
Затишье, глушь, прохлада и покой.
Так хорошо с любимой собакой
Блуждать глухой охотничьей тропой.
И сердце вдруг охватит гулким жаром,
Когда, в счастливый, заповедный час,
На землю грузно прынет под ударом
Стремительный грохочущий косач.
Он, краснотелый, бархатный и

синий,

Пропах брусничкой, мохом и теплом,
Но ветка сбитой выстрелом осыны
Сияет предосенним янтарём.

Плёс. 1963.

Уважаемая редакция! Я на пять лет старше моего любимого журнала «Охота и охотничье хозяйство». Мой отец, будучи охотником-промысловиком, а позднее егерем, начал выписывать журнал с его первых лет. С малолетства я пристрастился к охоте и журнал стал для меня любимым изданием, помогавшим мне глубже понять процесс охоты и более сознательно любить природу. С детства я мечтал стать охотоведом. Возможностей у деревенского парня с Урала хватило лишь на поступление в Уральский лесотехнический институт на факультет лесного хозяйства, где был предмет «Биология охотничьих зверей и птиц». Закончив учиться, я всю жизнь посвятил лесу, что позволило мне постоянно быть тесно связанным с природой и охотой. Всю мою жизнь Ваш журнал сопровождал меня, делая ее более замечательной.

Когда вышел на пенсию в 60 лет, моя страсть к

добыче поутихла, но сам процесс охоты с ружьем и собакой в уральских лесах все так же мил моему сердцу.

Я так же с нетерпением жду прихода журнала «Охота и охотничье хозяйство» и так же прочитываю его от корки до корки. С возрастом моим любимым разделом стали «Литературные страницы», а моими любимыми авторами М. Булгаков, В. Чернышев, А. Бикмуллин, В. Янковский, И. Алёхин. Иногда обращают на себя внимание новые авторы своей искренней любовью к охоте и природе. Последние годы я делаю попытки написать что-нибудь интересное для братьев моих охотников и читателей моего любимого журнала. Направляю на Ваш суд свой рассказ. Буду очень рад, если Вы сочтете возможным напечатать его.

С уважением, охотник с 50-летним стажем
ВОРОШИЛОВ Евгений Иванович

Охотничье эльдорадо Пермского края

В сентябре 1975 года наша лесоустроительная партия, досрочно закончив полевой сезон в лесхозе Восточной Сибири, возвратилась в город Пермь по месту расположения экспедиции. Соскучившись по прелестям цивилизации, мы, молодые холостяки инженеры таксаторы и техники, приводили себя в порядок. В первую очередь шли в баню, выпаривали из себя березовым веничком вевшийся запах антикомариной мази «Дета», а вместе с ним сырость таежных ночев и разную ревматическую дрянь. Оттянувшись в парилке по полной программе и смыв с себя последнюю усталость, отправлялись в парикмахерскую. Отросшие за полевой сезон шевелюры и бороды нещадно стриглись и сбрасывались, а, впрочем, далеко не всеми. Были среди нас любители напустить своими бородами таежной бравады на городских красоток. Расчетливый техник Володя Лепишев, имевший шикарную окладистую бороду, покрасовавшись в ней с месяцок, продавал ее в оперный театр. После парикмахерской таежные волки имели какой-то глуповатый и общипанный вид. Стриженные и бритые места, еще не успевшие загореть, бледно-розовыми полосками контрастировали с обветренными и загорелыми физиономиями. Субботним вечером, принарядившись и вылив на себя изрядное количество одеколона «Шипр», шли отмечать конец полевого сезона в ресторан «Кама». Смыслом наших походов в ресторан было не столько выпить и потанцевать, сколько познаком-

иться с симпатичными девушками и продолжить вечер до утра. Проблемы познакомиться в ту пору не было. Молодые выпускники вузов и техникумов, попавшие по направлению в чужие города, стремясь выскочить замуж, буквально переполняли увеселительные заведения.

В воскресенье с утра мы шли в пивбар «Жигули», открывшийся в то время на проспекте Мира. Пробившись за столики и заказав пива, идущее в комплекте с колпачными ребрышками, мы демонстративно выкладывали из портфелей закопченные в полевой сезон рыбные и мясные деликатесы. На зависть посетителям, смачно обсасывали плавники, запивая пивком. Однако в этот раз, выполнив программу минимум и явившись в понедельник утром в контору экспедиции с желанием начать камеральный период, я был вызван к главному инженеру экспедиции Жебрязкову. Вениамин Николаевич попросил меня помочь с таксацией одной из наших партий, работавших в Гайнском районе Коми-Пермятского национального округа. Понимая, что у меня, расслабившегося, после прибытия с одного таежного объекта нет ни малейшего желания срочно отправляться на другой, он облек свою просьбу в такую сочувственную форму, при этом так авторитетно припечатал ее словом «надо», что мне ничего другого не оставалось как с кистой физиономией согласиться.

Зная по опыту, что бабье лето на Северном Урале и в Предуралье нередко заканчивается снежным покровом, я не стал затягивать отъезд и утром следующего дня вылетел самолетом АН-2, по прозвищу «кукурузник». Два часа салонной вони, тошнотворного воя двигателя — и я благополучно приземляюсь в аэропорту Гаи-

ны. Аэропорт в поселках, вроде райцентра Гаины, обычно представлял собой взлетно-посадочную полосу и деревянное строение, вмещавшее в себя администрацию, зал ожидания, кассу и буфет, обязательно с коньяком и прочими напитками. Большая половина улетающих и прилетающих пассажиров, часто вместе с экипажем, в первую очередь заходила в этот буфет, иногда претенциозно именуемый рестораном. Деловито приняв по сто пятьдесят грамм коньяка или чего попроще, заводили разговоры и мимолетные знакомства. Этот ритуал, видимо, способствовал благополучию перелета и торжественности события.

Не без труда я нашел контору лесхоза, где находилась резиденция начальника лесоустроительной партии. Начальник партии, грузный человек предпенсионного возраста, сидел за конторским столом образца 1920 года, на кованом железном сундуке примерно того же времени. Увидев меня, он еще сильнее засопел простуженным носом, издавая ароматы, напоминающие о количестве выпитого накануне. Вместо восторга от встречи он пробормотал что-то вроде: «Ну, вот еще один помощничек приперся». Вся его сердитая фигура напомнила пирата из мультфильма «Остров сокровищ». Не хватало только трубки и попугая на плече. Сравнение развеселило меня, и я с бравым видом предложил свои услуги. С кряхтением открыв кованый сундук, он подал мне схему кварталов с пачкой аэрофотоснимков, предлагая самому разобраться с этим. С помощью работников лесхоза я определился с участком работы и маршрутом движения. Рабочих для выполнения работ мне было предложено найти на месте.

Через пару часов я уже трясся на раз-

битом маршрутным автобусе со скоростью 40—50 километров в час по автотрассе, напоминающей фронтальные дороги, виденные мною в кинофильмах. Пассажиры, привыкшие к такому передвижению, стоически переносили резкие толчки и подбрасывания на многочисленных ухабах. Некоторые из попутчиков, судорожно вцепившись в порученья, пытались даже дремать. Проехав около часа, я вышел из автобуса, чтобы добраться до нужной мне деревушки, цели моего назначения. Взмахнув себя рюкзак и ружье, я зашагал по проселочной дороге, раскисшей после дождя, надеясь перехватить попутную машину. Не встретив ни попутной, ни встречной машины, я через пару часов вышел на опушку леса, откуда открылся вид на деревню.

Низкое осеннее солнце рассеяно освещало несколько десятков неказистых деревянных домишек, разбросанных по склонам овражка, на дне которого пробегала речка. На улицах деревеньки не было видно ни людей, ни техники. Только в некоторых огородах виднелись согбенные фигуры пожилых людей, убирающих остатки картофеля из сырой суглинистой почвы. Переходя от одного огорода к другому, мне удалось наконец договориться и встать на постой к одинокой старушке, проживавшей в маленьком ветхом домике из двух комнат. Старушка очень плохо говорила по-русски, но понимала значительно лучше. Имея в словаре парочку десятков слов по коми-пермятски, я выяснил, что этого вполне достаточно для общения с хозяйкой. Перекусив с дороги с большим удовольствием глупым молоком с ржаным домашним хлебом, луком и вареной картошкой, я почувствовал в себе силы и желание немедленно обследовать окрестности.

Пересечь сжатое овсяное поле было делом пяти минут, и вот я уже шагаю по старой лесной дорожке, набитой веками конскими повозками и пешеходами. Охотники знают, как приятно идти с ружьем по осеннему лесу, пользуясь такой дорожкой. За каждым поворотом сердце сжимается от предчувствия встречи с дичиной, которая так манит неизвестностью все дальше и дальше. Ноги, кажется, сами несут тебя по твердой и упругой от опавших листьев и увядшей травки дернине. Осенний воздух так обворожительно чист и ароматен. Отсутствие гнуса и легкий ветерок в кронах деревьев дополняют божественную картину и наполняют тело бодростью, а сознание уверенностью в удаче. И, действительно, последняя не заставила себя долго ждать. Вдруг прямо из-под ног стремительно вылетела пара рябчиков и уселась на сосенке, в тридцати метрах от меня. От неожиданности вздрогнув, я сорвал с плеча свое ИЖ-58 и двумя выстрелами легко снял обоих. Полюбовавшись на добычу, я аккуратно уложил ее в рюкзак. Пройдя дальше по дорожке метров 300, я увидел в 40

метрах торчащую из островка пожухлой травы черную голову глухаря. Потребовалась доля секунды на то, чтобы осознать, что передо мною глухарь, а не сучок или коряжка, торчащие из травы. Я вскинул к плечу ружье, но стрелять пришлось уже на взлете в угон. Шикарный старый петух, всхлопнув в агонии несколько раз крыльями, успокоился в моих руках. Глядя на мощную птицу, на ее гордый профиль и тяжелый клюв, подумал: хорошо, что это не хищник, тяжело бы пришлось лесным птицам и зверюшкам от такого соседства, глядишь и нам, горе-охотникам, «перепало бы на орехи». Пройдя километра два по чудодорожке, я подстрелил еще трех рябчиков, смысла дальше продолжать охоту не было, и я решил поворачивать назад.

Пройдя по дорожке в обратном направлении метров 300, я увидел посреди лесной полянки, в 30 метрах от дорожки, зайца, замершего столбиком. Он был буровато-коричневый и хорошо гармонировал с окружающей жухлой травой. Стрелять косо не хотелось, но из любопытства я, сняв с плеча ружье, стал, не торопясь, продвигаться по своей дорожке, приближаясь к замершему зайцу под углом 30—50 градусов. Заяц прекрасно видел меня, но вместо того, чтобы убежать, начал медленно приседать, пока не распластался до не узнаваемости в окружающей траве. Не дойдя до него метров 30, я остановился, повесил ружье на плечо и резко хлопнул в ладоши. Как стрела

с туго натянутого лука, сорвался мой зайчишка с лежки и через пять секунд исчез в густом подлеске. Мой резкий свист вдогонку только придал резвости косому. Возбужденный удачной охотой я возвращался в деревню, удивляясь обилию дичи за короткий срок перевиданной мною.

Уже пройдя по полю, отделявшему лес от деревни, метров 100, я, обернувшись, увидел стаю косачей, сидящих на крайних к полю березах. Их было штук пятьдесят — семьдесят. Как черные гроздья на фоне бирюзового неба, они свисали с полубогажившихся деревьев. В моей голове мелькнула мысль, уж не снится ли мне все это. Но тяжесть рюкзака с глухарем и пятью рябчиками говорила, что все это реально, и я решил еще раз убедиться в этом. Взяв ружье на изготовку, я направился прямо по открытому полю к сидящим птицам. Расстояние между нами сокращалось, но птицы все сидели. Наконец, когда до них оставалось метров 40, нервы мои не выдержали и я выстрелил в ближнюю птицу, которая, отлетев почти в мою сторону, упала, трепыхаясь на живые. После выстрела вся стая с шумом поднялась с деревьев и полетела мимо меня. Я выстрелил по ней в самую гущу и как всегда это бывает, не попал. Подобрав подстреленного красавца черныша, я гордо, но все еще как бы не веря в удачу, вернулся в деревню.

Хозяйка, увидев выложенную из рюкзака дичь, удивленно всплескивала руками, повторяя на ломанном русском: «Ой, сколько много мяса!» Быстренько сварив мясную похлебку из свежей дичи, она принесла глубокий ковш с молочного цвета жидкостью и, сказав: «Ю» (пей), подала его мне. Напиток оказался овсяной бражкой, приятной на вкус и имеющей скорее тонизирующее, чем хмельное действие. Выпитый за ужином ковш бражки и мясная похлебка совершенно сняли дневную усталость, вновь появилось желание заняться чем-то полезным. На мои вопросы, есть ли охотники в деревне и какие звери водятся в лесу, старушка отвечала невнятно, путая русские и коми-пермятские слова. Поздно вечером на огонек зашел дед, сосед, который довольно сносно говорил по-русски. Из его слов я понял, что деревушка вымирающая, работать негде, молодые люди разъехались, остались одни старики. Охотников нет, но дичи много. На созревающие овсяные поля засветло выходят медведи и пасутся чуть ли не рядом с коровами. Дед обратился ко мне с просьбой, отстрелять матерого волка-одиночку, который затерроризировал всю деревню. На глазах у хозяев драл, не успевших спрятаться дворяжек, коз, овец, и спокойно утаскивал в лес, перекинув через холку. Я обещал деду покататься с волком при встрече, отомстив за безвинно пролитую кровь шариков и тузиков.

С вечера приготовив все необходимое для выхода в лес, утром я про-

снулся довольно поздно, хозяйка топил печку, что-то творила на кухне, стараясь не шуметь. Утро было в разгаре, но за окном была молочная мгла от навалившегося тумана. Отсутствие малейшего ветерка не позволяло четко видеть предметы далее 40 метров. Хозяйка что-то пыталась объяснить мне про волка. Наконец я понял, что полчаса назад волк сидел в двадцати шагах от окна, у которого я спал. Старушка не разбудила меня, боясь, что я буду ругать ее за прерванный сладкий сон. Вот уж в чем она глубоко заблуждалась. Волк сидел под окном минут двадцать, видимо, ему тоже хотелось познакомиться с приезжим охотником, но, как и хозяйка, он не пожелал прервать мой сон и вежливо, по-английски удалился.

Каждый день в течение двух недель я находился с ружьем в лесу, производя таксации лесных насаждений, но с волком встретиться все не мог. Боровой дичи встречалось за день очень много, но я отстреливал двух рябчиков в конце дня, перед выходом из леса, для пропитания. Иногда пытался разнообразить стол тушеной в сметане зайчатиной, которую очень любил. Часто в моих походах я находил в грязи луж отпечатки медвежьих лап разного калибра и разной свежести, но встретиться с косолапым мне не пришлось. Волк же постоянно посещал деревушку, и его видели около домов два три раза в неделю, то ранним утром, то поздним вечером. Мне докладывали о его похождениях. Я пытался караулить его, но, видимо, обидевшись на мой первый холодный прием, он избегал встреч со мной. Однажды, возвращаясь в сумерках из леса, я заметил какое-то движение в кустах почти у самой деревни. Снял с плеча ружье, заряженное в одном стволе картечью в другом — дробью. Подойдя осторожно к кусту, я не заметил ничего подозрительного и, решив, что мне показалось, направился обратно на дорожку. Пройдя несколько шагов, я обернулся и увидел волка, бегущего от меня стелящейся рысью. Резко развернувшись, я выстрелил, довольно прицельно, насколько могли позволить сгущавшиеся сумерки, сначала картечью, затем и дробовым патроном. После первого выстрела волк упал, перевернувшись через спину, словно хватая себя за бок, но после второго выстрела он вскочил и на махах растворился в темноте. Перезарядив ружье картечью, я пошел в направлении леса, обследуя каждый кустик, но волка не обнаружил. С рассветом я повторил поиски, которые так же не дали результата. И все-таки результат был: волк перестал появляться и пакостить в деревне. Закончив свою краткосрочную командировку в глухую коми-пермятскую деревушку, я часто вспоминал изобилие дичи в ее окрестностях, не уступавшей по количеству диким лесам Западной и Восточной Сибири, в которых мне также приходилось работать и охотиться.

Свердловская обл., г. Невьянск

Вышла из печати книга Игоря Алёхина, одного из лучших современных охотничьих писателей, "Последний пленник плавней". Это двухтомное издание объемом более 900 страниц в твердом переплете, с иллюстрациями, на отличной бумаге, скрепляются специальной лентой с названием книги. Цена комплекта из двух томов — 1300 рублей может показаться большой, но это результат качества исполнения, большого объема и малого количества, продается по себестоимости.

Двухтомник — отличный подарок любому охотнику, интересующемуся охотничьей литературой. Появление этого издания — явление в некотором роде уникальное, ибо подобного в России не было очень давно, а на Кубани — вообще никогда.

Желающим приобрести двухтомник сообщаем координаты автора: 353180 Краснодарский край, г. Кореновск, пер. Матросова, 11. Тел. 8-918-631-38-23. Алёхин Игорь Иванович.

Юрий Валерианович Урываев

Отметил свое 80-летие один из старейших охотников г. Санкт-Петербурга Юрий Валерианович Урываев. С юношеских лет он начал охотиться со своим отцом — директором Государственного Гидрологического Института Валерианом Андреевичем Урываевым, известным в охотничьих кругах Ленинграда своим коллективом друзей-охотников. И вот почти семьдесят лет Юрий Валерианович встречает охотничьи зори. Его любимые охоты: по перу с легавыми собаками и глухарь на току. Он и сейчас держит дома английского пойнтера. Он владеет прекрасной охотничьей библиотекой, где хранятся все номера нашего журнала, начиная с самого первого октябрьского номера 1955 года. Редакция журнала желает Юрию Валериановичу здоровья, бодрости и долгих лет жизни.

Производим и реализуем
КАВКАНЫ КА-2
для отлова соболя,
куницы, белки,
хоря, колонка.

610014; г. Киров,
ул. Пугачева, 35
8(8332) 56-22-28;
8-922-668-10-09
squirrel.kirov@mail.ru

ЗАКУПАЕМ ПУШНИНУ

Художник-анималист Ирина Маковеева

К 60-летию со дня рождения

Ирина, маленького роста обаятельная девушка, пришла к нам в редакцию в 1976 г. после окончания Московского Государственного Педагогического Института им. Ленина, где занималась у известного художника-анималиста М.М. Кукунова, и предложила свои услуги — иллюстрировать «Литературные страницы». Началась наша совместная творческая работа, которая длится уже почти 40 лет. За эти годы Ирина Маковеева стала известным в стране и за рубежом художником. Указом Президента в 2005 году ей присвоено звание «Заслуженный художник России». В каталоге одной из ее персональных выставок в Москве написано: «Маковеева «ворвалась» в сообщество столичных графиков сразу же заявив о себе яркими самобытными работами. Быстро освоила и стала работать в технике офорта, сухой иглы, меццо-тинто, пастели, tempery. Великолепные офорты, а также оригинальные работы Маковеевой демонстрируют актуальное направление современного реалистического искусства. Созерцание красоты мира — таково их главное предназначение для зрителя. Можно часами рассматривать детально прорисованных птиц, бабочек, улиток, кузнечиков и при этом бесконечно восхищаться разнообразием совершенств, дарованных этим моделям природой. Ее рисунки — не обучающие зоологические, а маленькие художественные шедевры, требующие философского осмысления. Ее модели — не только загадочные миниатюрные животные,

но и натурщики внушительных размеров. Художница много работала в зоопарке, где она с удовольствием рисовала тигров, леопардов, других хищников и копытных. Она мастер анималистического портрета. В 2002 г. в Дарвиновский музей в дар от автора поступил триптих с изображениями головы тигра в разных ракурсах и разных эмоциональных проявлениях. В своем творчестве Маковеева следует главной задаче — не копировать натуру, а постоянно находиться в поисках художественной правды и своего языка изображения».

Ирина Маковеева участвовала в городских, областных, республиканских, всесоюзных и международных выставках. Провела более 100 своих, персональных. Свыше 300 произведений И.П. Маковеевой находятся в собраниях государственных музеев (в том числе ГМИИ им. А.С. Пушкина и Русского музея в Петербурге), в зале графики Третьяковки и в других художественных галереях страны, а также в частных собраниях и за рубежом. В Национальной галерее г. Бостона (Англия), в Музее Человека в Бельгии и Кинологии в далекой Австралии

висят картины русской художницы-анималиста. А сколько работ ее хранится у коллекционеров в разных странах! Даже в коллекции английского принца Майка Кентского в Лондоне есть ее рисунки.

Ирина Петровна путешествует со своим художественным багажом по всему миру, участвует в выставках, устраивает персональные показы. Богата география ее встреч с зарубежными коллегами и зрителями: Лондон, Париж, Амстердам, Бонн, Стокгольм, Копенгаген, Милан, Барселона, Ла Валлета на острове Мальта и далекое зарубежье — Китай, Индия, Австралия и США. А недавно с группой художников она летала в Сингапур рисовать экзотических зверей и птиц в местном зоопарке и рыб в аквариуме.

Влюбленная в родную природу, Ирина Макоевеева часто ездит по российским просторам, знакомит со своим творчеством неизбалованную вниманием столичных художников периферию. Ее с радостью встречали на своей земле в Липецке, Вологде, Тамбове, Белгороде и, конечно, не раз в Подмосковном г. Химки, откуда она родом. Интересную персональную выставку «От

мухи до жирафа» организовала и провела она в Екатеринбурге, Новоуральске и Верхней Пышме (Свердловская обл.).

Анималистические произведения Макоевеевой выполнены на высоком художественном уровне, воспитывают нравственное отношение к природе. Она создала целый ряд графических серий, воспевающих красоту, гармонию и уникальность растительного и животного мира, среди них: «Птицы России», «Собаки», «Тигры», «Кандалакшский заповедник». Всего более 400 гравюр.

Охотничья тема всю жизнь присутствует в творчестве И. Макоевеевой. Художница то отходит от нее на время, то вновь погружается в животный мир дикой природы и показывает свои работы на художественных тематических выставках: «Русская охота» в Центральном Доме художников, «Псовая охота» в Доме кино и «Русские борзые» в Дарвиновском музее. За серию гравюр «Охотничьи собаки» И. Макоевеева награждена медалью А. Ширинского-Шихматова Московским городским обществом охотников и рыболовов. Она участник всех выставок «Московские художники-анима-

листы» в столице.

После ремонта в Музее охоты и рыболовства художница представила новую экспозицию и отвезла свои «свежие» работы на анималистическую выставку в Краснодар.

Творческая деятельность И. Макоевеевой богата и разнообразна. В 2010-2011 годах она была телеведущей программы «Академия художеств» на государственном детском канале «Бибигон». Провела 100 передач! Давала мастер-класс в Музее охоты в День музеев в Москве и в детском госпитале за океаном в Бостоне для больных детей, где была выставка ее работ. А в этом году она неоднократно проводила мастер-классы в Дарвиновском музее и Биологическом им. К.А. Тимирязева. Ирина Петровна принимает активное участие в благотворительных проектах. Работала в Благотворительном фонде «Амур» по спасению амурского тигра и дальневосточного леопарда.

Как подарок к юбилею — награждение в 2013 г. И.П. Макоевеевой Золотой медалью ВОО «Союз художников России».

Карина САВЕЛЬЕВА

Императорские олени Китая

Василий КЛИМОВ, кандидат биологических наук

Яркий, раскаленный диск Солнца уже находился в зените, когда достопочтенный аббат Арманд Давид достиг края обширной долины и увидел синие горные хребты. Вытерев пот со лба, он присел на придорожный камень и огляделся. Арманд Давид был совершенно необычным аббатом. В возрасте 35 лет он приехал сюда, в Великую Китайскую Империю, чтобы словом и делом нести в заблудшие души язычников Слово Божие. Только он и Бог знают, сколь много усилий потребовала от него эта благородная миссия. Но не только души паствы Поднебесной влекли его в дальние страны, он еще был и страстным натуралистом, любившим природу. С огромным интересом изучал он такую незнакомую для европейцев, такую интересную и загадочную азиатскую фауну. За те пять лет, что он прожил здесь, аббат успел уже побывать в Тибете, Монголии и Сычуане, где умудрился открыть доселе неизвестное науке млекопитающее — большую панду. Вот и сегодня он с раннего утра уже на ногах, решив обследовать равнины, лежащие к югу от Бенина (Пекина), в долинах Нон Хай-Дзу (Южное озеро).

Окруженные со всех сторон синезелеными хребтами, похожими на спины огромных сказочных драконов, Великие Китайские Равнины были местом поистине уникальным. Здесь, в древних зеленых саваннах соединилась и причудливо переплелась фауна северной тайги, степей Восточной Монголии и южных тропических лесов Юго-Восточной Азии. И все это было совершенно неизвестно в Европе вплоть до второй половины XIX века!

В предчувствии неожиданной встречи аббат пересек долину и углубился в первозданный дикий лес, росший на склонах низких гор, а затем, пройдя по горам, вышел к озеру в другой долине. Вокруг него пели птицы, весело скакали белки, а из-под ног выскакивали зайцы. "Райские куш" — с умилением подумал Давид. Вдруг взгляд его уперся в древнюю мощную стену, преграждавшую дорогу. Она упиралась в неприступные скалы. Какие же секреты скрывались за нею? Тут он вспомнил, что кто-то из местных рассказывал ему об охотничьем парке Великих Императоров, куда доступ простых смертных запрещен под страхом смертной казни, и где стада сказочных животных благоденствуют на зеленых лужайках под охраной бдительных сторожей. Сердце аббата разрывалось на части — как благочестивый христианин, он не мог нарушать законы чужой страны. Проникать в Императорский Парк небезопасно. С другой стороны — миссия Давида была очень многогран-

Арманд Давид

на и включала в себя разведку всего нового и потаённого, что тщательно скрывали власти стран Азии от пришельцев с Запада. Все-таки решившись, миссионер медленно, стараясь не выдавать себя, двинулся вдоль стены, протянувшейся на целых 50 миль! Он миновал замшелые камни, покрытые лианами и заросшие тропической зеленью. В одном месте старая кладка обрушилась, и аббат, с трудом цепляясь за лианы, взобрался наверх, затем осторожно спустился вниз и скрытно двинулся по парку. Дремучий лес был густо населен: белки и зайцы, не боясь человека, то и дело попадались на пути, вот в ветвях мелькнуло пятнистое тело рыси, а среди малинника торчала лобастая голова бурого медведя. Выйдя к опушке, Давид затаился, наблюдая за жизнью диких обитателей Парка. Мимо него прошла стайка пятнистых оленей с малышами, затем прошествовала пара медведей — мать с бурым медвежонком, который все норовил поиграть с нею.

Уже ближе к вечеру на поляне опять появилась стайка оленей, но что-то необычное и экстравагантное было в их облике, что заставило натуралиста тщательнее взглянуть в них. Они были похожи на благородных оленей своими крупными размерами, но короткий хвост с кисточкой на конце, узкие маленькие уши и совершенно необычные рога говорили об обратном. Обычно у оленей рога состоят из основного ствола (штанги), направленного назад и разветвляющегося на множество отростков, и надглазничного отростка, или передней ветви, направленной вперед, которая не разветвля-

ется. Здесь же было все наоборот — ствол уходил вперед, а ветвь, которая у всех других оленей торчит над глазами, уходит назад, да еще и ветвится. Дыхание у наблюдателя перехватило в предчувствии удачи — несомненно это новый, еще неизвестный науке вид оленей и именно его, Арманда Давида, Господь Бог избрал первооткрывателем! Принеся хвалу Создателю и прочитав молитву, аббат продолжал рассматривать необычных незнакомцев.

Это была семья из матери с сеголетком и старшим сыном. Сопровождал и охранял их роскошный взрослый самец, обладавший огромными и такими необычными рогами, которые и привлекли внимание натуралиста. Несмотря на атмосферу благоденствия, царившую в Парке, бык время от времени отрывался от пастбы, поднимал рогатую голову и окидывал взглядом раскинувшуюся перед ним поляну с опушками и свое семейство, затем опять прикладывал есть траву. Рядом, на изумрудной зелени кормились мать и ее старший сын, а малыш, только знакомящийся с окружающей его природой, все больше изучал яркие луговые цветы и травы, пытался играть с оленухой или братом и время от времени прикладывался к соскам матери. Притомившись, он плюхнулся в траву и вскоре заснул. Старший сын, которому, судя по его рогам, уже было три года, держался рядом с группой, но чуть в стороне. В один из моментов старый бык, оказавшись рядом с ним, не преминул отпугнуть его, угрожающе пригнув голову и направив в его сторону ветвистые рога. Это показывало, что уже недолго молодой олень будет сопровождать свою мать и вскоре бык заставит его уйти и искать свою пару в другом месте. Когда-нибудь, повзрослев и приобретя опыт борьбы, а также целое "дерево" на голове, молодой воин вернется и сразится со старым быком за власть и первенство. Травы и ветки будут лететь из-под копыт разъяренных самцов, сцепившихся в смертном бое. Тогда можно будет сказать, чего он достиг и что приобрел на своем жизненном пути и сможет ли он свергнуть старого вожака с его трона.

Увиденное в Императорском парке не давало аббату ни есть, ни спать. Ведь совсем рядом, за стеною, бродили олени совершенно не известные науке, и их открытие могло бы вписать его, скромного аббата, имя, золотыми буквами в анналы истории! Целых полгода он наводил справки об этих удивительных оленях. Оказывается, эти создания издавна жили на Великой Китайской равнине, населяя болотистые низины, долины и леса.

Китайцы прозвали их Це-пу-чанг — «лепохожие ни на одного из четырех» (овца, корова, лошадь и коза) и активно в свое время на них охотились. Три тысячи лет назад эти животные оказались на грани вымирания из-за увеличения численности населения, уже тогда превратившей Китай в самую густонаселенную страну мира, а также из-за активной вырубki лесов. Император лично распорядился отловить оленей, оставшихся в живых, и заключить их в собственном охотничьем Парке. Отныне никто из смертных не должен был ни то, чтобы охотиться, но даже видеть их, под страхом смертной казни! И три тысячи лет они сохранялись там, по сути в неволе, вдали от посторонних глаз, пока приезжий аббат не нашел их. Как видим, китайский Император был одним из первых на Планете природоохранителем и спасителем редкого вида животных!

Между тем наш герой, Арманд Давид, хорошо подготовился и наконец в 1866 году опять появился под стенами Императорского Парка, но на этот раз с двумя китайскими браконьерами, которые согласились за большие деньги добыть пару редкостных животных. По правде сказать, за звонкую монету они были вообще готовы на все, но при этом свое дело знали хорошо. Они проникли в Парк и совершенно бесшумно, из луков, подстрелили двух взрослых оленей. Две шкуры и черепа с рогами самцов они вру-

чили аббату, а мясо оставили себе на пропитание. Следующая задача заключалась в том, чтобы спасти шкуры от разложения и доставить невредимыми в Европу. Это требовало огромных усилий и осторожности, ибо, прознай люди Императора об этой добыче, миссионера ждала бы верная смерть! Не помог бы и сам Господь Бог!

Наконец случилась оказия и шкуры с черепами, предварительно вычищенные и засоленные, спрятанные среди домашней утвари, были переданы на корабль, идущий в Бретань. Через полгода корабль прибыл во Францию и добычу передали парижскому зоологу Мильн-Эдвардсу. В том же 1866 г. он описал новый вид подсемейства Настоящих оленей, назвав его в честь отважного миссионера оленем Давида, или Милу.

Так тайна Китайского Императора перестала быть тайной, и весь просвещенный мир узнал о новом, необычном виде оленей Поднебесной. Известие получило широкий резонанс, и вот уже Лондонское Зоологическое общество, имевшее огромное влияние и связи, через дипломатические каналы и подкуп чиновников получает в Китае несколько живых оленей Давида и в 1869 г. завозит их в Лондонский зоологический сад. Новоселам создали самые лучшие условия, на которые был способен зоосад, и они это оценили сполна, начав размножаться. Каждый год они давали 3—5 оленят,

которые вскоре подросли и через два года у них также появилось потомство. Такому стаду вскоре стало тесно в Лондоне и оленей начали передавать в другие зоосады Европы, где, в свою очередь, они также размножались.

Между тем на родине оленей, в Китае, случилась большая беда. Великая река Хуанхе (Река Желтого Дьявола) в 1884 г. вышла из берегов, разбушевалась и затопила полстраны. Мутные желтые потоки бурлящей воды, несущие трупы, деревья и крыши домов, размывали и снесли каменную кладку старых стен Императорского Парка, и перепуганные животные разбежались по окрестностям. Поскольку наводнение принесло большие бедствия стране, о редких обитателях охотничьих угодий Императора в Бенине забыли. Но местные крестьяне за довольно короткое время истребили их всех.

В 1900 г. деревенская беднота восстала и пошла на штурм столицы. Это было знаменитое «боксерское» восстание, унесшее жизни последних оленей Давида, еще оставшихся в Парке. Последняя же пара оставалась в Пекинском зоосаде, но они не дали потомства, и в 1920 г. последняя самка пала от старости. Так Великая Китайская Империя осталась без своих редких оленей.

Между тем трагические события в Китае в начале века привлекли к оленям внимание одного из известных природоохранников того времени —

герцога Бедфорда. В своем обширном имении Вобурн Аббей, в 100 км от Лондона, на площади более 2 тыс. га, он содержал и спасал от вымирания многие редкие виды животных (например, лошадь Пржевальского). В 1900—1901 гг. он собрал по разным зоологическим садам мира 16 чистокровных оленей Давида и занялся воспроизводством. Стадо в Вобурне стало расти, как на дрожжах. К 1922 г. там было 64 оленя, в 1932 г. — 182, в 1948 г. — 250. Даже бомбежки и тяготы Второй Мировой войны, обрушившиеся на Великобританию, не смогли помешать герцогу разводить своих любимых оленей.

Именно здесь, в неволе, стали известны многие загадочные особенности биологии этих редкостей. В период гона, который, как и у благородных оленей, начинается у них осенью, самцы становятся беспокойными и гроз-

ными бойцами. В борьбе за первенство и самок они раз за разом схватываются друг с другом, выстраивая, таким образом, "иерархическую" лестницу. Самые грозные и сильные особи получают доступ к самкам, которые становятся их гаремом. Те же, кому не повезло, ходят поодиночке или объединяются в холостяцкие стада, являясь неприкосновенным запасом популяции, готовые заменить выбывшего из "игры" гаремного самца в любой момент. К концу зимы они сбрасывают свои ветвистые рога, на месте которых тут же начинают набухать и развиваться новые. Спустя 255—265 суток оленухи приносят по одному малышу, о котором трогательно заботятся, выкармливают молоком, вылизывают и оберегают.

В 1963 г., когда в Вобурне содержалось уже около 400 оленей, Правительство Китая обратилось к Великобрита-

нии с просьбой о продаже нескольких особей, и в следующем, 1964 г. четыре оленя пересекли Евразию и прибыли в Поднебесную. Так, через 60 лет после исчезновения из природы Китая этих живых редкостей, они, спасенные европейцами, вернулись на свою историческую Родину.

Тогда же, в 1964 г. они появились и в СССР. Сначала в зоопарках Москвы и Ленинграда, а затем понемногу и по всей стране. На Украине они успешно размножаются в Аскании-Нова, где находят такие нужные им просторы, зелень изумрудных полей и спокойствие.

Зоологический сад Уипснейда (Англия) ведет мировую регистрацию этих редких оленей милу, которых на день сегодняшний сохраняется в мировых зоологических центрах более 600 особей и которые занесены на страницы Красной Книги МСОП.

Самая охотничья картина

Валерий ПРИВАЛИХИН

Картина эта, конечно же, «Охотники на привале». Художник Василий Григорьевич Перов написал ее в 1871 году. Ему было тогда 37 лет, и он был уже очень знаменитый художник. Он изображал на своих полотнах сцены из тяжелой народной жизни («Тройка», «Последний кабацк у заставы», «Проводы покойника»), писал портреты своих знаменитых современников и думал, что создавать именно такие картины — главное его призвание и предназначение. Несколько картин, где изображены ботаники, птицеловы, рыболовы, те же знаменитые охотники, написал как бы между прочим, как что-то не очень важное, не очень серьезное.

Когда картина «Охотники на привале» была создана и появилась на выставке на обозрение публики, знатоки живописи, понимающие толк и в охоте, сразу заговорили, что охотники на картине какие-то не настоящие. У них мало страсти и азарта охотников. Самое интересное: те, кто это подметил, были тысячу раз правы. Правда, ну какие уж настоящие охотники, изображенные на ней трое? Ружья внимательного слушателя-охотника и охотника, изображенного в центре картины, кинуты на землю как попало, ружье рассказчика вообще где-то у него за спиной, целых шесть уток — летают себе преспокойно только что не у них над головами, ничуть не боясь быть подстреленными, а охотникам и дела-то нет до дичи. Утки на то они и утки, чтобы летать, и пускай себе летают.

Словом, художник показал на картине охотников, которым и охота-то, кажется, не больно важна. Но не потому, наверное, Перов так написал, что никогда не видел, не изведаль настоящей охоты. Он как раз сам частенько любил побродить с ружьем по подмосковным лесам в одиночку и с друзьями. Просто художник так задумал: чтобы сделать картину убедительно охотничьей, а охотников привлекательными, нужно написать таких охотников, которым меньше всего охота-то и важна. А важно выбраться из Москвы на простор, на природу, побродить по сбросившим лиственный наряд перелескам, подышать властью осенним воздухом, напоённым ароматом опавших листьев и пожухлых, влажных от дождей трав, по полям, по перелескам, вокруг озер, добыть одну — две утки, зайчишку, устроиться рядом вместе, выпить по чарочке — другой и наговориться всласть. Это самое важное, самое приятное и желанное для любителей-охотников в охоте, — побив ноги, подустав, встретиться, вольготно расположиться на вольном воздухе и повести долгую неторопливую беседу. И вот этот самый-самый нерв и уловил и запечатлел художник.

Почему-то привычно думать, с самого первого мимолетного взгляда складывается впечатление, что охотники ведут разговор непременно об охоте. Что сидящий на картине слева охотник-рассказчик обязательно плетёт какую-то охотничью небылицу, а его молодой слушатель, судя по выражению лица, верит каждому его слову, а находящийся в центре картины охотник с доброй недоверчивой улыбкой слушает, не вступая в разговор. Мысли даже не возникает, что устроившись на природе трое могут разговаривать вовсе и не об охоте. Что это манера охотника-рассказчика всегда и обо всем необычным рассказывать именно так: бурно, страстно, жестикулируя, что его молодой слушатель внимает любому рассказу любого собеседника о чем-то необычном именно с таким выражением лица, а не встречающий в разговор третий охотник всегда и всё только так с добродушной ироничной усмешкой и воспринимает. А, возможно, так, не об охоте на охоте и речь. Ведь художник Перов изобразил на картине охотниками своих добрых друзей, какими знал их в повседневности. Охотником-рассказчиком он написал врача Дмитрия Павловича Кувшинникова, внимательным и доверчивым охотником-слушателем — члена московской городской управы Николая Михайловича Нагорнова. Третий охотник в этой компании, тот, что в центре, — врач и немножко писатель, немножко художник — Василий Владимирович Бессонов.

Охотники во всей России безоговорочно признали эту картину своей. Неведомо, когда это произошло — вскоре же, как появилась картина, или же сто,

восемьдесят, семьдесят лет назад. Но сейчас всюду от Владивостока и до Калининграда, от Астрахани до Камчатки в каждом егерском, охотоведческом пункте, в охотничьем обществе в самом глухом таёжном поселке и в самом крупном городе охотничье общество не охотничье, если в нём не висит копия с этой картины. И кто приходит в общества получить разрешение на охоту или на покупку, на хранение ружья, видит эту картину.

Судьба изображенных на картине друзей художника Перова складывалась довольно успешно. Врач Дмитрий Павлович Кувшинников (рассказчик), в год появления картины на Первой передвижной выставке (она прошла в 1871 году) женился. Его и его жены Софьи Петровны дом в Малом Трёхсвятительском переулке многие годы потом был местом встреч московской творческой интеллигенции (там бывали братья Михаил и Антон Чеховы, Исаак Левитан, Илларион Прянишников...). 26-летний Николай Михайлович Нагорнов (доверчивый слушатель) на следующий год после создания «Охотников...» женился на родственнице Льва Толстого. Третий на картине — врач Василий Владимирович Бессонов; его художник Перов прославил, сделал знаменитым, написав за два года до «Охотников на привале» его портрет. Портрет этот был отмечен медалью, помещен Павлом Третьяковым в собственную галерею; в «Третьяковке» и находится по сей день. Однако, конечно, больше всего и на века прославил художник Василий Перов своих друзей, изобразив их в роли охотников на своем бессмертном полотне «Охотники на привале»...

Охотники на привале

Художник В. Перов

ПЕРОВСКИЙ М. Как и чему учат охотников в РГАЗУ	1
БЛЮМ А. Ижевское оружие ИЖ-БК	3
ДИГИЛЕВИЧ А. Охота на медведя на овсах	4
Вопросы, вопросы... Когда будут ответы?	6
СТЕПАНОВ А. Как мы охотились	8
СТАРОВА О., КОЖЕЧКИН В., КАЗЬМИН В. Волк и россомаха острова Врангеля	12
КОЖЕЧКИН В. Тайная жизнь россомахи	15
СЕКОВАНОВ В. Выставка охотничьих трофеев Костромской области	16
ВЕХОВ Н. Птичьи базары Новой Земли	18
КАЛИНИН М. «Вспотевшие» тигры в загоне	23
ТИШКЕВИЧ С. Охота нагоном на сибирскую косулю	24
ПШЕНИЧНИКОВ С. Белорусский гончак — национальная порода Белоруссии	26
ИГНАТЬЕВ В., ЛАПСИН Г. День охотоведа — 2014	29
БЛЮМ А. Консультации охотоведа	30
ЧЕХАРИН В. Русские писатели-охотники	32
Смирнов Николай Павлович (1898—1978)	32
СМИРНОВ Ник. Отчий дом. Красная тревога. Нищетою богатая осень. Стихи	34
ВОРОШИЛОВ Е. Охотничье эльдорадо Пермского края	37
САВЕЛЬЕВА К. Художник-анималист Ирина Маковеева	40
КЛИМОВ В. Императорские олени Китая	44
ПРИВАЛИХИН В. Самая охотничья картина	47
ЦЕЛЫХОВА Е. Словарь русского охотничьего языка	48

На первой странице обложки:
Имитировать рев благородного оленя большое искусство
Фото А. Дигилевича

На второй странице обложки:
Откликается. Соперники сошлись
Фото А. Дигилевича

На третьей странице обложки:
Рисунки Крупинова

На четвертой странице обложки:
Маралы в горах Тянь-Шаня
Фото А. Дигилевича

Издатель: ООО Издательский дом
«Охота и охотничье хозяйство»

Генеральный директор Т.А. Волжина
Главный редактор А.М. Блюм

Редакционная коллегия:
М.В. Булгаков, Л.А. Гибет, А.А. Данилкин,
И.А. Домский, А.П. Каледин, А.М. Лаврова,
В.К. Мельников, В.Г. Сафонов, К.П. Савельева,
А.А. Севастьянов, Е.К. Целыхова,
В.Б. Чернышёв

Главный бухгалтер Н.М. Видулина
Художественный редактор М.Л. Кнерцер
Редактор отдела Н.В. Дервиз
Корректор З.М. Данилова
Фотокорреспондент А.Ф. Дигилевич

Сдано в набор 05.08. 2014 г. Подписано к печати 08.09.2014 г.
Формат 84х108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,04. Заказ 4729.

Адрес редакции: 101990, Москва,
Милютинский переулок, д. 18А, офис 13
Тел.: (495) 628-25-57
Электронная почта ohot.oohotoz@mail.ru
Сайт: www.oohotoz.com

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru. 8(495)988-63-76,
8(496)726-54-10.
В случае обнаружения полиграфического брака
обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии
Зарегистрирован Государственным комитетом по печати
12.10.90 № 452

Словарь русского охотничьего языка

Е. ЦЕЛЫХОВА

Полуугонная птица — птица, летящая от охотника немного в сторону.

Помет — 1) приплод (щенки, волчата и т. д.), возможно также **пометать** — принести потомство (чаще — о псовых); 2) экскременты зверей и птиц; 3) (устар.) отравленная приманка. (В Забайкалье истребляли множество волков посредством **помётов**, составленных из ядовитых веществ, то есть **окармливают** или **отравляют** их (Черкасов, 1990).)

Пометить — (о борзой собаке) увидеть, заметить. (**Зоркая Ирка** — собака Тимофеева — **пометила** русака метров за 150 и большую часть **доскачки** делала по мерзлому взмету.)

Помкнуть — найти по следу зверя, побудить его и погнать. (То, что собака **погнала** (**помкнула**) **лисицу**, а не **зайца**, **охотник** должен определить сразу... Запах у **лисицы** более сильный, поэтому **гнать** ее **гончая** будет более азартно, страстно и зло (С. О. Лосев «Лисица и охота на нее».)

Помытчик — царский охотник, занимавшийся ловлей хищных птиц для соколиной охоты; др. русск. «мыто» пошлина, налог, награда, верхнелужицкое и нижнелужицкое «myto» плата, награда; вероятно связано с днв. «мыта» «пошлина» и исландским «myta» «подать»; происхождение названия становится понятно, если обратиться к истории добычи ловчих птиц: со времен великих русских князей соколиный промысел был организован на оброчном начале: соколы и кречаты помытчики занимались исключительно ловлей ловчих птиц и платили оброк непосредственно государю; по мнению Н. Кутепова, по своему правовому положению они резко отличались от простых крестьян, пользовались свободой от всех податей и пошлин и несли лишь одну свою профессиональную обязанность: ежегодно поставлять князю ловчих птиц.

Помычка — (о работе гончей) начало гона.

Поножи — петельный **самолов** группового типа. (**Поножи** — **петли**, ловящие птиц преимущественно за ноги, представляют собой длинную веревку с вплетенными в нее на расстоянии 20—30 см одна от другой петлями (С. Е. Черенков «Самоловы».)

Порода — целостная группа животных одного вида, созданная трудом человека в определенных социально-экономических условиях, имеющая общую историю развития и происхождения, общность к требованиям технологии производства к природным условиям, отличающаяся от других пород характерными признаками продуктивности, типом телосложения и стойко передающая свои качества потомству. Порода — «разновидность домашних животных, отличающаяся особыми признаками от других животных того же вида» (Толковый словарь Д. Н. Ушакова); «соединение признаков, которые верно и постоянно передаются в потомство» (П. Мачеварианов «Записки псового охотника»); возможно также **местная порода** — выведенная в определенном месте от местных производителей (**Местная порода** собак всегда должна иметь много преимуществ перед привозной: привычка к климату, содержание, местность и зверь, с которым приходится иметь дело, все это в крови местных собак (Н. П. Кишенский «Ружейная охота с гончими».); (устар.) **установившаяся порода** — приобретающая набор определенных качеств, стабильно передающихся из поколения в поколение. (...иностраннх пород им (нашим предкам — Е. Ц.) было достать неоткуда, да и вряд ли кто из них об этом и мыслил, почему и было достаточно времени для того, чтобы **порода местных собак** вполне **установилась** (Н. П. Кишенский «Ружейная охота с гончими».)

Продолжение следует

Здравствуйте, редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство»! Выражаю благодарность за вашу работу. Очень нравится ваш журнал, в нем много разнообразной информации, а также историй об охоте читателей. На ваш фотоконкурс высылаю фотографию с трофеем медведя, Крупинов Артем (в центре) с товарищами по охоте – Олегом и Александром. Медведь добыт в 2012 г. из штуцера МР-18МН калибра 243 с дистанции 60 – 70 м. Размер трофея от носа до хвоста 210 см. Вологодская обл., Харовский район.

Я люблю охотиться, но кроме того, в свободное время пробую рисовать. На ваш суд и суд читателей высылаю три моих работы: Соболя, Медведь на овсе и Лоси. Артем Крупинов

Уважаемые читатели, предлагаем вам присылать свои рисунки на тему охоты и о природе. Лучшие будем публиковать. Редакция

Индексы: 70673 — на полгода, 72376 — на год

ISSN 0131-2596, Окога и охотничье хозяйство, 2014, № 10, 1-48